

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

СТАЛЬНАЯ ОПОРА

ВАЛЕРИЙ АФАНАСЬЕВ

ИГРА ВСЛЕПУЮ

Валерий Юрьевич Афанасьев
Игра вслепую
Серия «Стальная опора», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4958242
Игра вслепую: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1326-3

Аннотация

В прошлом наш соотечественник Виктор, а сейчас виконт Вик, и не помышлял о том, что придется пуститься в новый опасный поход. Он прочно обосновался на своей земле и занялся развитием ремесел. Но таинственный противник затеял коварные интриги: исчезает его друг герцог Фагуа, торговым караванам гномов чинят все большие препятствия, наконец, кто-то организывает нападение гвардейцев на самого Вика. Дело осложняется тем, что неприятель остается в тени, предпочитая действовать чужими руками. Вику предстоит непростая игра с пока неясным противником.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Валерий Афанасьев

Игра вслепую

Моя признательность многочисленным авторам и читателям сайта «Самиздат», принимавшим активное участие в обсуждении произведения. Благодарю Владимира Николаева и Сергея Ивлиева за помощь в вычитке текста.

Автор

Глава 1

Конь упал в воротах и захрапел, дергая ногами в предсмертной судороге. Это какая же... позволяет себе так обращаться с лошадьёю?! Загнать коня! Если кто из моих, всыплю от души, мало не покажется!

Надо же – Соньер! От него я такого никак не ожидал. Вот уже несколько лет охотник находится у меня на службе. Вместе с ним мы отбивали нападение тилукменов на долину гномов, вместе с ним ходили в походы к вольным городам реки Хат, один раз посуху и четырежды водным путем. Не раз приходилось стоять с ним плечом к плечу, отражая натиск неприятеля. Чего я за ним не замечал, так это жестокого отношения к лошадям.

– Вик, беда! – Охотник вбежал по ступенькам и остановился напротив меня на террасе дома.

Дом был прочный, из тесаного камня. Ничего общего с тем навесом, который мы здесь поставили три года назад, тогда, когда начинали строить волок.

Сколько всего произошло с той поры... Быть виконтом оказалось не так-то просто. Начинать с нуля, обустриваясь на пустом месте, тоже было нелегко. Первый волок мы построили за три недели. Для транспортировки кораблей использовалось нечто вроде саней. Конструкция была деревянной и передвигалась на полозьях из целых бревен по деревянным шпалам. Шпалы смазывались салом для лучшего скольжения.

Сложнее всего было затопить направляющие и подвести их под днище корабля. Этот чисто технический вопрос решался с помощью навешивания на конструкцию дополнительных грузов. Когда направляющие крепились к корпусу корабля, приходила пора задействовать лебедку. Здесь гномы постарались на славу. Все три лебедки отлично функционировали с той поры, как их установили. Несмотря на то что через год мы построили вторую линию волока, первая продолжала исправно работать.

Лебедкой вытаскивали корабль на землю, и на этом ее предназначение заканчивалось. Далее приходила очередь тягловых упряжек. Три десятка быков (по пятнадцать с каждой стороны волока) без труда тащили огромные сани с кораблем. Лишь однажды на всем протяжении пути, когда перепад высоты был слишком велик, приходилось использовать дополнительную лебедку. Весь путь занимал не более трех часов. Сейчас. Я вспомнил, как мы намучились, пока отрабатывали технологию. С первым кораблем так и вообще целый день провозились. Сейчас же корабли переправляются из одной реки на другую без проблем. С помощью обоих волоков караван из десятка кораблей можно перетящить за день.

Если первый волок делали на скорую руку, то со вторым пришлось повозиться. Но и вышел он на славу – настоящий железнодорожный путь. Рельсы небольшие, зато ширина колеи – добрых четыре метра. Рельсы гномы отлили в долине. Со средствами, на которые изготовили шпалы, проблем не возникло – функционирующий первый волок приносил доход. Еще больший доход приносил стеклоплавильный завод, который мы построили на

паях с гномами и бароном Людвигом на юге, в вольном городе Гремене. Стекло расходилось влет что в империи, что в Абудаге. Многие готовы были платить только за то, чтобы их продвинули в очереди на получение долгожданного товара.

Немалый доход приносили бы и отчисления гномов с товаров, производимых методом горячей штамповки. Как автору метода и владельцу товарного знака V, мне причитался определенный процент с продаж. Но гномы и так немало потратились, поставляя рельсы, лебедки и прочие изделия из металла. Совершенно бесплатно, надо сказать. В благодарность за это я предложил им не платить пару лет причитающиеся мне проценты с реализации штампованных изделий.

Не поверите, пришлось выдержать немалую баталию, отстаивая такую точку зрения. Мой друг Раста, услышав о моем решении, упер руки в боки и затопал ногами от возмущения, чтобы показать свое неудовольствие:

– Слово гнома прочнее стали! Мы обещали платить положенный процент, значит, будем его платить.

От избытка чувств Раста даже начал дергать себя за бороду.

До чего же непросто с этими гномами! Вроде бы предлагаю им сэкономить деньги, а они упираются – и ни в какую. Я невольно улыбнулся:

– Кто бы спорил. Но, друг Раста, давай договоримся, что вы будете платить этот процент позже.

Гном задумчиво почесал затылок:

– Нет.

– Что – нет? – удивился я.

– Позже нельзя. Слово мастера есть слово мастера. Тебе ли этого не знать?

С гномами всегда так. Переспорить их непросто, лучше даже и не пытаться, но можно решить вопрос, переведа его в другую плоскость, что я и постарался сделать.

– Тогда давай так. Я гном?

– Гном, – согласно кивнул Раста.

Наверное, я единственный человек, которого гномы тоже считают гномом. Нет, они вовсе не заблуждаются. Я человек и выгляжу как человек, но за особые заслуги мне присвоено звание «почетного гнома». Такой была благодарность за то, что я помог отстоять их долину при набеге кочевников. Впрочем, скорее даже не за это. Если военное дело гномы считали вполне подходящим занятием для людей, то мастерство в строительстве и ковке металла видели исконно своей прерогативой. Вот потому-то изготовление метательных машин, стального троса и еще нескольких новинок было оценено ими по достоинству. Мастерство гномы уважали. Пожалуй, больше, чем что-нибудь другое. Все это вместе взятое и подвигло их на то, чтобы присвоить мне такое странное звание. Хорошо еще, что медаль не додумались вручить.

Только бы не проговориться. Если эта мысль дойдет до Нимли, не миновать мне и медали. «И что?» – спросите вы. Дарители обидятся, если я не буду ее носить, но это было бы уже слишком. Все-таки я живу среди людей, а отношение к гномам у них неоднозначное. К тому же я предпочитаю считать себя тем, кто я есть по рождению, – человеком.

– И дом у меня в долине есть, – продолжил я разговор с Растой.

– Есть, как не быть! Куда же он денется?! Мы, гномы, строим на века!

Дом в долине был подарком совета гномов. Подарен он мне был не без некоторого умысла – как полезному техническому специалисту. Право, я с удовольствием пожил бы какое-то время в долине. Гномы – замечательный народ. Они трудолюбивы и зазорны. Горячность их может быть воспринята как агрессивность, но только теми, кто их плохо знает. Да, они любят поспорить, могут и потасовку затеять, но все это совершенно беззлобно.

Более миролюбивого народа я не видел. У них даже армии не было до той поры, пока им не пришлось отражать нападение кочевников. Взявшись за организацию армии, гномы подошли к этому основательно, как и к любому другому делу. Сейчас у них три тысячи солдат, отлично обученных (сначала этим занимался я, а затем нанятые нами в вольном городе Гремне инструкторы), экипированных лучшими на обозримом пространстве вооружением и доспехами. Три тысячи – это войска постоянной готовности. При необходимости гномы могут выставить до двадцати тысяч панцирной пехоты, усилив их станковыми арбалетами и метательными машинами. Надо ли говорить о том, что метательные машины у гномов отменного качества? К счастью, они совсем не стремятся к завоеваниям и если вынуждены поддерживать боеготовность, то только потому, что угроза со стороны тилукменов до сих пор сохраняется. Да, она стала не такой явной, как ранее (предпринятые нами меры принесли свои плоды), но полностью все же не исчезла.

В общем, я с удовольствием пожил бы среди этих широкоплечих, приземистых мастеров, но с недавних пор я виконт. Этим титулом меня пожаловал герцог Фагуа. К титулу прилагалась земля. Из-за нее я, собственно, и остался в империи, поскольку это была не просто земля, а земля в том самом месте, где нам необходимо. Под словом «нам» я подразумеваю себя и гномов.

Расположение моего удела позволяло построить волок между двумя реками и организовать движение кораблей, идущих из Абудага по Ропе к реке Хат. Зачем это надо было гномам? Долго рассказывать, об этом как-нибудь в следующий раз. Скажу лишь, что это было жизненно необходимо. Вот и пришлось согласиться на предложение герцога Фагуа и податься в дворяне. Из этого вовсе не стоит делать вывод, что Фагуа меценат, спешащий пожаловать титулом каждого встречного. Просто-напросто я был герцогу полезен, весьма полезен.

Начнем с того, что я подарил ему рецепт изготовления газированного вина. Подарил в качестве жеста доброй воли. Теперь Фагуа – монополист и славится шипучими винами. Право, мне не жаль. Герцог был мне полезен не меньше, чем я ему. Именно его покровительство позволяло мне чувствовать себя в империи спокойно. За это приходилось платить. Разумеется, не деньгами, герцог не так глуп, чтобы требовать с меня материальную компенсацию за свои услуги. Заботясь об интересах империи и выполняя свой долг перед ней, как любил выражаться Фагуа (понятное дело, имея в виду под словами «интересы империи» прежде всего свои интересы), я снаряжал караваны герцога для походов на юг, способствовал внеочередной отгрузке стекла с частично принадлежащего мне завода в Гремне... О множестве разных мелочей и упоминать не стоит. Надо ли говорить, что все это шло герцогу на пользу? Брать с меня деньги? Ха! С моей помощью деньги рекой текли в сундуки Фагуа.

Чем был полезен мне герцог, кроме гарантии безопасности и земли, которой меня пожаловали вместе с титулом (кстати, довольно пустынной до той поры, пока сюда не прибыл я)? Как ни странно, тем же самым, чем и я ему. Газированное вино не в счет, подарок он и есть подарок. Что до его походов на юг и покупки стекла, мне это тоже важно. Разумеется, я не спешил рассказывать об этом Фагуа, с него станется потребовать с меня что-нибудь еще. А оно мне надо? Чем оживленнее водная торговля с югом, тем меньше кочевники смотрят в сторону долины гномов, а гномы – мои друзья. Что до стекла, то не все ли мне равно, кому его продавать? Герцог или другой покупатель – без разницы. Пятипроцентная скидка? Право, это такая мелочь. Разумеется, я не спешил хвастаться непосвященным своей долей в стекольном заводе. Почему? Считайте, что мне не позволяла природная скромность.

Все эти дела требовали моего присутствия в империи. Впрочем, я не был слишком огорчен этим. Свой надел – это свой надел. Есть где развернуться и устроить все так, как мне это видится.

Но я отвлекся. Речь шла о нашем с Растой разговоре.

– Должен я свой дом оборонять? – задал я гному провокационный вопрос.

– Конечно! Вик, ты же у нас мастер по обороне.

– Но сейчас я не могу быть в долине. Что до денег, то пусть они пойдут на постройку оборонительной стены.

– Слова настоящего мастера! – согласился Раста.

Таким образом, вопрос с моими процентами за два года был решен. Не думаете ли вы, что я просто не знаю, куда девать деньги? Уверяю, это совсем не так. Но если видишь, что твои друзья и так сделали для тебя очень много, хочется сделать для них что-нибудь в ответ. Да и нет у меня сейчас недостатка в деньгах. Кроме стекольного предприятия имеется несколько мелочей, которые приносят мне неплохой доход. Например, корабли, которые мы построили с гномами и пользуемся ими на паях. Или такой, казалось бы, пустяк, как фирменные непромокаемые плащи. Этот пустяк приносит мне пару сотен золотых монет в год. Но что для меня сейчас эти деньги? Именно пустяк. Несколько лет назад я о такой сумме и мечтать не смел. Хотя я не совсем правильно выразился. Мечтать о деньгах? Есть в этом что-то меркантильное. Это слишком мелко – растрачивать на энное количество денег такое прекрасное понятие, как мечта. Скажем так: я себе представить такого не мог.

В общем, средства у меня сейчас были. Надо ли говорить, что с разного рода поставками в такой ситуации проблем не возникало. Купцы готовы были привезти все требуемые материалы. По первому зову направлялись к нашей пристани корабли, груженные лесом, камнем и металлами. Строительство на моей земле не затихало ни на миг. Наконец-то удалось реализовать многие планы, ранее откладываемые из-за недостатка финансов.

Впрочем, дело не только в финансах, просто раньше у меня не было видения перспективы. Как только оно появилось, появилась и возможность реализовать планы. Как это связано – ума не приложу. Случайное ли это совпадение или так изначально устроен мир, что вслед за планами (действительно достойными планами) приходит и возможность их реализации. Разумеется, возможность сама по себе еще не является гарантией успешного завершения дела. Возможность – это всего лишь возможность. Отправная точка, начиная с которой дела могут пойти в ту или иную сторону. И уж конечно, они не будут двигаться сами.

Да, я так и не рассказал до конца о волоке. Том самом, где тележки катились по рельсам. С рельсами больших проблем не возникло (если не считать, сколько времени понадобилось для их изготовления), а вот с платформами все оказалось не так просто. Сами металлические колеса можно было отлить. При низкой скорости качения невысокая точность обработки поверхности была не слишком большой помехой. Рама платформы тоже не доставляла больших хлопот, поскольку ее можно было изготовить из дерева. Больше всего меня смущали подшипники, которые должны были обеспечивать хорошее скольжение и выдерживать значительную нагрузку. В принципе, можно было сделать их деревянными, тщательно смазав дерево салом, но тогда они будут не слишком прочны и не слишком долговечны. Нет, подшипник должен быть настоящим.

На шарикоподшипник я не замахивался, а вот бронзовые втулки решил изготовить, при надлежащей смазке они служат долго. С бронзой проблем не было: гномы знали этот сплав и могли изготовить любые отливки по моему заказу. В чем же была проблема? Для придания втулкам нужных допусков требовался токарный станок, который был моей давней мечтой с тех самых пор, как я оказался в этом мире. Вот только для осуществления мечты раньше не было возможности. Итак, изготовление тележек началось с изготовления токарного станка.

Работали мы над ним вместе с Растой. Разумеется, станок нимало не походил на современные машины, но этого и не требовалось. Все, что мне было необходимо, это вращающаяся деталь и направляющие, по которым будет двигаться резец.

Что надо для того, чтобы изготовить токарный станок? Правильно – другой токарный станок. А если его нет? Мы попробовали обойтись тем, что имелось под рукой.

О, видели бы вы это чудо техники! Место ему в музее, если такой будет когда-нибудь создан. Начну с того, что он почти полностью был изготовлен из дерева, даже шкивы. Разумеется, деревянными были и подшипники. В двух брусках Раста проделал полукруглые углубления, в одно из них помещался вал, который должен был вращаться. Другой брусок накладывался сверху и стопорился деревянными клиньями. Бруски тщательно промасливались, чтобы уменьшить трение. Подшипник готов. Требовалось лишь следить за тем, чтобы вал не болтался, и вовремя подбивать клинья. Со временем вал притирался к посадочному месту, делая его идеально гладким.

Всего мы изготовили четыре таких подшипника: два – чтобы закрепить вал станка и еще два – чтобы закрепить вал привода. Привод осуществлялся от колеса с лопастями, погруженными в реку. Конструкция была похожа на ту, которая использовалась в колесных пародах, а еще раньше – на мельницах. Передача с одного шкива на другой шла с помощью кожаного ремня. Разумеется, прямого, а не клиновидного, но достаточной ширины.

А вот направляющие, вдоль которых должен двигаться резец, из дерева изготовить было нельзя. Для них необходимы особая точность и твердость материала. Доводить до требуемой точности отлитые детали направляющих пришлось с помощью шабрения. Дело это долгое и однообразное, но упорству гномов позавидуют многие. Крепили мы резец тоже с помощью клина, на этот раз металлического. А как еще? Обыкновенная резьба казалась мне невиданной роскошью. Нет ничего проще болта или гайки? Тем не менее для их изготовления требуется высокоточный инструмент. Конечно, можно нарезать резьбу и с помощью токарного станка, но не такого простого, как был у нас.

Дольше всего мы провозились с патроном, в который требовалось зажимать заготовку. Попробуйте закрепить деталь, если не можете изготовить резьбу. Не так-то это просто. Как ни странно, оригинальную конструкцию патрона предложил Раста. Впрочем, чему я удивляюсь? Гномы – прирожденные механики. Все, что связано с железом, дается им легко и без усилий. Деталь крепилась с помощью эксцентриков. Конструкция оказалась настолько удачной, что мы не стали ее менять и позже, когда появилась такая возможность.

О чем я не сказал? Конечно же о резце. Увы, в моем распоряжении не было специальных сплавов типа победита. Пришлось использовать обыкновенный стальной резец повышенной закалки. Со своей задачей он справлялся неплохо, но требовал некоторой осторожности в обращении с ним, поскольку был хрупок. Осторожность требовалась еще и потому, что перемещать резец вдоль детали приходилось, просто толкая рамку, в которой он был закреплен, вдоль направляющих. Цепную передачу и рукоятку подачи резца мы придумали гораздо позже.

День, когда мы запустили наш первый токарный станок, я запомню надолго. Душа пела, чудовищное сооружение, построенное нами, казалось мне верхом инженерной мысли. Впрочем, на тот момент так оно и было.

Раста радовался как дитя, когда увидел, как резец снимает тонкую металлическую стружку с заготовки, а после нее остается гладкая, блестящая поверхность.

С этого момента работа по изготовлению бронзовых подшипников пошла гораздо быстрее. Раста так приловчился токарничать, что стал изготавливать довольно приличные детали. Гном пользовался любым удобным случаем, чтобы хоть что-нибудь выточить. Надо сказать, что этим самым станком мы пользовались довольно долго, лишь через полгода изготовив на нем детали для нового станка с металлическими шкивами и бронзовыми втулками.

Вместе с тем не прекращались и другие работы. Рос дом, в котором мне предстояло жить, рос поселок для строителей, возводились новые пристани и вторая очередь волока. Около тысячи человек работали ежедневно не покладая рук. Помогали им около полусотни гномов, время от времени сменявшихся. Порой их бывало больше, когда приходил караван

из долины или один из наших кораблей доставлял товары с юга, тогда вокруг сразу становилось шумно.

Гномы, прибывающие с сухопутным караваном, любили удивить всех своим появлением. Полусотня сопровождения (как правило, этого было достаточно) маршировала в полном боевом снаряжении, сверкая латами и поражая окружающих слаженностью строя. Несколько раз задиристые абудагские наемники, сопровождавшие купцов, пытались затеять с жителями долины потасовку. Но такие случаи были довольно редки, да и заканчивались не в пользу горячих голов – несмотря на свой невысокий рост, гномы сильны и коренасты. Мой друг Раста сбивает с ног степного быка-лутхи ударом кулака. Такое, конечно, под силу не каждому гному, но и остальные бородачи тоже не слабы, и поучаствовать в потасовке – для них развлечение, разумеется, не выходя за рамки обмена тумаками. Иное дело абудагцы. Те в драке начинают горячиться, могут схватиться за меч. Их стычки часто переходят в настоящие бои, порой заканчивающиеся смертью одного из участников.

За всем этим приходилось следить. Если на кулачные схватки я смотрел сквозь пальцы, то за попытку боя на мечах следовало немедленное наказание – провинившегося бросали в реку. А если он при этом сопротивлялся, то могли и намять бока. Обычно это делали сами гномы. Если же их в момент потасовки было мало, в дело вступала служба поддержания порядка.

К созданию этой службы я пришел не сразу. Грузооборот, идущий через построенный нами волок, возрастал. Увеличивалось и количество караванов, приходивших в мое имение сухопутным путем для того, чтобы загрузиться доставленными сюда по реке товарами или, напротив, загрузить свои товары на корабль. Здесь же заключались сделки, а единицей измерения порой служили фургоны, а то и целые струги. Все это тянуло за собой строительство новых причалов, складов временного хранения и большого постоянного двора, где могли бы остановиться купцы и их сопровождение.

Так дела обстояли с ранней весны до поздней осени. Лишь когда ледостав начинал препятствовать судоходству, движение затихало и нас ждало три месяца тишины. Благословенное время. Строительные работы в эту пору, как правило, тоже затихали, мы занимались только неотложными делами. Три месяца относительного затишья я воспринимал с удовольствием, ведь это было время размышлений и новых проектов, которые мы обсуждали с Нимли или Растой, сидя у горящего камина и попивая ароматный травяной чай. А еще мы часами пропадали в мастерской, изобретая новое устройство.

Но, не поверите, к весне мне начинало не хватать шума и движения, так что появление первых кораблей, подходящих к волоку, я воспринимал с удовольствием. Месяцем позже начиналось активное движение сухопутных караванов, и жизнь опять бурлила и кипела.

Вот это-то кипение и подвигло меня к организации сил правопорядка. Решение напрашивалось, но вслед за ним встал вопрос: из кого же комплектовать мне свою гвардию? Больше всего свободных наемников в соседнем Абудаге, но вариант их найма я отверг сразу. Слишком уж эти парни неуправляемы. Использовать их в каком-нибудь горячем деле еще куда ни шло, но для моей цели они совершенно не годились, абудагцы и правопорядок – два разнонаправленных понятия. Гномы? Они верные друзья и хорошие бойцы, но эти искусные мастера слишком ценны, чтобы использовать их в качестве стражи. Да и дел у них гораздо больше, чем можно себе представить.

Еще был вариант с гвардейцами из вольного города Гремена, расположенного далеко на юге, мы нанимали там инструкторов для обучения гномов бою на мечах. Но эти люди будут здесь чужеземцами. Всем ли понравится, когда они будут наводить порядки? Спросите: и что с того? Неумный вопрос. Провоцировать лишнее недовольство и конфликты на пустом месте – занятие глупое и недостойное. Не хватало мне тратить время еще и на это! И ладно бы была принципиальная разница, но это не тот случай. Конечно, я тоже родом

не отсюда, не из этого века и не из этого мира. Но титул виконта узаконивает мое гражданство в империи, с некоторых пор я здесь свой. По здравом размышлении я решил набрать людей из опытных мечников империи. Здесь не так много достаточно профессиональных воинов, находящихся не у дел, но много мне и не требовалось. Думаю, возникли бы некоторые трудности, реши я набрать тысячу добровольцев, а три десятка удалось набрать без особого труда. Пожалуй, это не стоило бы отдельного упоминания, если бы не история моего знакомства с тем, кто возглавил чуть позже службу охраны правопорядка.

История эта случилась месяца через два после того, как запустили в действие первый волок. Мы с Нимли ехали к дому, возвращаясь с планировки трассы второго волока, когда внимание мое привлекла шумная компания, собравшаяся около причалов. Люди кричали и размахивали руками. Это не могло не привлечь внимания – беспорядки мне были не нужны.

Нимли взглянул вопросительно, но я сделал ему знак рукой, предлагая подождать. До критической ситуация пока не дошла, стоило разобраться в происходящем, прежде чем вмешиваться. А происходило следующее: у причала стоял двадцативесельный шлюп. Владелец его суетился и покрикивал на грузчиков, таскающих товары на берег. Время от времени купец опасливо оглядывался на столпившихся на берегу наемников. Их было около десятка. Наемники, которых торопил другой купец, шумели и ругались, пытаясь пройти к пристани. Как ни странно, дорогу им преграждал всего один человек.

– Проваливай, тебе говорят! – крикнул старший наемников человеку, стоящему между ними и причалом.

Тот, к кому он обращался, – мужчина средних лет в кольчуге мелкого плетения и с мечом на поясе – был абсолютно спокоен. Судя по оружию, одежде и знакам отличия одного из легионов, это был житель империи, отставник (в виде медальона знак легиона носят люди, вышедшие в отставку, в память о былой службе). Мужчина производил впечатление бывалого воина, прежде всего своей непоколебимой уверенностью в правоте, той, что не требует доказательств. С криком отстаивают свое мнение те, кто не слишком убежден в том, что он прав. Истина не требует доказательств, она просто есть. И если ты знаешь, что она на твоей стороне, стоит ли разоряться на пустые слова.

Меч ветеран доставать не спешил, что тоже говорило в его пользу. Имперец произвел на меня самое благоприятное впечатление, но я решил посмотреть, что же будет дальше.

– Это невозможно, уважаемый, – спокойно ответил воин. – Приходите через час, причал будет свободен.

– Наш купец спешит! – выкрикнул один из абудагцев.

– Гоните его! – крикнул купец в подтверждение слов наемника.

Его люди двинулись вперед. Некоторые схватились за мечи, но, спохватившись, оставили их в ножнах: на прошлой неделе мы загнали в реку компанию, попытавшуюся устроить здесь бой с оружием. Слухи об этом распространились быстро. Абудагцы двинулись вперед, имперец печально вздохнул, показывая всю степень своего сожаления.

Такого мастерства я давно не видел! Движения воина стали словно смазанными, плавно и в то же время молниеносно он проследовал вдоль ряда наемников, нанеся несколько ударов, и откатился на несколько метров назад, застыв в прежней выжидающей позиции. Четверо абудагцев остались лежать на земле, серьезных повреждений они не получили. Ругаясь и отряхиваясь, наемники стали подниматься на ноги.

Хорош! Очень хорош! Но если все десять наемников пренебрегут предупреждением и возьмутся за мечи, имперцу не поздоровится. Абудагцы – отличные мечники, в чем я мог не раз убедиться. Пора было вмешаться.

Я тронул коня, вклиниваясь между спорщиками, Нимли последовал за мной.

– В чем дело?

Имперец пожал плечами, давая понять, что он здесь ни при чем, стоит, мол, себе, никого не трогает. Абудагцы возмущенно зашумели, но вперед не двигались.

– Я спешу, – сказал их купец. – Если не поспею вовремя, то понесу убытки.

– И что?

– Эта деревенщина не хочет посторониться. – Купец кивнул в сторону шлюпа, стоящего у причала, и разгружающих его людей.

– Уважаемый купец уже заплатил за стоянку?

Если с него приняли плату в то время, когда нет свободных причалов, кое-кому не миновать нагоняя.

– Нет, но...

– А вы, уважаемый купец? – обратился я к владельцу шлюпа.

– Все оплачено согласно требованиям, – отозвался тот.

– Вопрос исчерпан. Ждите, когда один из причалов освободится. Или идите к другой пристани.

– Я важный человек в Абудаге! – взвизгнул спорщик.

– Может быть, но здесь не Абудаг. Я все сказал.

Возмущенные наемники взялись было за мечи, но Нимли потянулся к сигнальной трубе. Стоит ему подать сигнал тревоги – и через пять минут сюда сбегутся все гномы, находящиеся поблизости. Прибегут и солдаты герцога Фагуа, если таковые здесь окажутся: они осведомлены о нашем сигнале и не преминут прийти на помощь одному из дворян герцогства.

– Погода сегодня совсем не располагает к купанию, – добавил я.

Аргумент подействовал. Абудагцы, ругаясь, ушли, ссора с хозяином волока и причалов совсем не входила в их планы. Я же обернулся к тому, кто так отважно отстаивал интересы местного купца.

– Приходилось служить в легионе? – поинтересовался я у человека, продолжавшего так же невозмутимо стоять около причала.

– Приходилось, – подтвердил тот.

– И в какой должности?

– Инструктор по рукопашному бою и бою на мечях.

Я кивнул. Это многое объясняло. Удивительно, что такой человек нанялся в охрану каравана, да еще и на такой скромный шлюп.

– Не желаете ли выпить кружечку пива? Мой дом недалеко.

– Я на службе, – отозвался инструктор.

– Это не беда, за шлюпом присмотрят. – Я обернулся к Нимли и попросил: – Найди Соньера и Мангу. Пусть проследят за порядком на причалах.

Гном кивнул. Если вы думаете, что он отправился выполнять мое поручение сам, то зря. Ко всему прочему мой друг был начальником гномьей курьерской службы, два-три молодых гнома следовали за ним почти постоянно. В случае необходимости – и за мной тоже, но я старался этим не злоупотреблять. Исключение составляли поход или крупная битва, тогда число курьеров достигало десяти и более.

Нимли остался на месте, дожидаясь прибытия охотников, я же пригласил гостя следовать за собой.

– В таком случае, если милсдарь угощает, я не против, – улыбнулся имперец.

Мы разговорились. Кулан – так звали моего нового знакомого – рассказал о том, как он здесь оказался.

– Двадцать лет как один день, милсдарь. Много всего случилось за это время. Но походы стали меня утомлять. Реакция уже не та, и ноги ноют после того, как прошагаешь целый день под палящим солнцем.

Я слушал, удивляясь. Уж на реакцию ему точно жаловаться грех. Что же касается остального, то судить не могу.

– Месяц тому как я оставил службу, – продолжал мой новый знакомый, отхлебывая из кружки отменное пиво, сваренное гномами.

Я даже стал беспокоиться, не слишком ли он большой любитель этого напитка (было бы досадно: излишние пристрастия губили многих хороших людей), но после второй кружки Кулан отодвинул пиво в сторону, и мы продолжили разговор, просто сидя на трассе и глядя на реку.

– И что теперь?

– Приехал в свой родной поселок, он в трех днях ходу ниже по течению. Не знаю, что я там забыл, но воспоминания молодости позвали в родные края. От скуки вызвался сопроводить купца до волока и обратно.

– Купец хотя бы хорошо заплатил?

– А-а-а! – Кулан махнул рукой. – Купец прижимист, как сборщик податей. Надо было нанять в охрану хотя бы пять человек, а он позвал меня одного! Река, говорит, спокойная. Такого случая, как на причале, он не учел.

– Но защищал ты его упорно.

– А как иначе? Если взялся за дело, то надо делать его хорошо.

– Это так. А скажи, Кулан, каковы твои дальнейшие планы?

Инструктор пожал плечами:

– Пока не загадывал. Может, подамся в караваны, идущие на Хат.

– Неплохо. Но у меня есть предложение получше. Как тымотришь на то, чтобы остаться здесь?

– Здесь? В каком качестве?

– Помнишь происшествие на причале?

– Еще бы не помнить, оно случилось не более получаса назад.

– Так вот, я хочу, чтобы подобное больше не повторялось. А если повторится, то должен быть кто-то, кто сумеет призвать людей к порядку.

Кулан улыбнулся и покачал головой.

– Разумеется, тебе не придется везде поспевать самому. Можешь привлечь к этому делу столько людей, сколько понадобится.

– И я могу сам их набрать? – удивленно спросил инструктор.

– Да. Но только после моего одобрения.

– А оплата?

– Сколько ты хочешь?

Кулан на минуту задумался и огласил свой вердикт:

– Думаю, восемь золотых в месяц будет достаточно. Для тех, кого я наберу, – пять золотых.

Возможно, инструктор ждал, что я буду торговаться, но я был согласен. В Абудаге, конечно, можно нанять мечников и подешевле, но Соньеру, Манге и Лесли я плачу по десять золотых в месяц. На эти деньги они содержат не только свои семьи, но и всех ближайших родственников, в своей родной деревне они считаются очень обеспеченными людьми. Правду сказать, охотники того стоят: лучших следопытов и лучников еще поискать. Так что запросы Кулана меня не смутили, они характеризовали его как человека не жадного, а знающего себе цену.

– Идет. Когда сможешь приступить к работе?

Если ответит: «Сейчас», то придется его уволить, так и не приняв, как это ни прискорбно.

– Через неделю, – ответил Кулан. – Я должен проводить купца до дома и вернуться обратно.

– Договорились.

Через неделю Кулан приступил к выполнению своих обязанностей, а еще через месяц служба охраны правопорядка была укомплектована людьми и заработала, как ей и положено.

Что еще важного произошло за последние три года? Закончу рассказ о технических достижениях, прежде чем перейти к другому.

Особой моей гордостью была механическая лесопилка. Все началось с того, что мне не понравилось качество досок, поставляемых местными купцами. Еще бы. С чего им быть качественными? Доски изготавливались просто: два человека распиливали бревно вдоль ручной пилой. Работа эта долгая и утомительная. Мало того, что два человека за день успевали сделать порой лишь пару досок (это зависело от диаметра бревна), так и доски к тому же получались неровными. Направляющих нет, бревно пилится на глазок по черте – трудно ожидать одинаковой толщины по всей длине доски.

Планы постройки лесопилки я обдумывал несколько дней. Изначально я предполагал построить станок с дисковой пилой, но от этой мысли отказался. Изготовить подобную пилу довольно сложно. Сложно еще и потому, что дисковая пила для своей эффективной работы требует довольно высоких оборотов, а значит, и отличной центровки, иначе она будет разбивать валы и подшипники, да и вибрация при работе такого устройства будет заметной. Иное дело рама с несколькими поступательно движущимися продольными пилами, вроде допотопной Р-63. Там особая скорость не нужна, да и пилы можно использовать уже существующие, лишь изменив их крепление. На этом я и остановился.

Кривошипно-шатунный механизм – устройство простейшее. Привод вращали два быка, шагающих по кругу, выдавая на выходе вполне приличную мощность. Через систему шкивов и ремней усилие передавалось на колесо,двигающее шатун. Тот, в свою очередь, двигал четыре пилы вверх и вниз вдоль направляющих. Конечно, как ни сильны были быки, заменить мощный электромотор у них не получалось. Можно было запрячь не двух быков, а, скажем, четырех, но я решил не гнаться за мощностью. Лучше поставлю рядом еще одну лесопилку в случае необходимости. Подача бревна осуществлялась следующим образом. Два человека толкали руками вагонетку с бревном, обеспечивая его движение. Тяжело? Гораздо легче, чем пилить бревно вручную. Дело пошло. Со временем мы не только обеспечили досками собственное строительство, но и стали брать заказы со стороны.

Об основном рассказал. Разумеется, кроме этого произошло еще много разных событий, значительных и не очень. И конечно же самое главное из них: год назад я женился. Женился на женщине, которую люблю, и, право, она того стоит. О, что это за женщина! Достаточно сказать, что мы познакомились, когда она водила торговые караваны по опасным тилукменским степям. Разумеется, полюбил я ее не за это. За что? За то, что она есть, за то, что она такая. Никогда бы не подумал, что мне понравится амазонка. Что меня привлекло в ней? Быть может, достоинство. Быть может, красота. Быть может, ее улыбка, которую трудно забыть... Впрочем, все это неотделимо и называется одним словом – Найя.

На вожделение караванов ее подвигла вовсе не жажда приключений. Подвигнул долг, не ее личный долг, а долг ее семьи. Найя была родом из княжества Двенского, расположенного далеко на востоке, там же проживала ее семья – младшие братья и сестры, престарелая мать. Надеждой семьи была Найя, именно ей пришлось взвалить на свои плечи не только заботу о пропитании, но и немалые долги. Я предлагал ей помощь, но она отказалась. Сказала, что я слишком дорог ей и она не хотела бы думать, что вместе мы из-за денег. Что на это ответишь?

Все же я не пустил это дело на самотек. Ради нее я затеял в Гремене строительство стекольного завода. Подряды на поставку древесины из верховий реки Хат были очень выгодным делом. При чем здесь древесина? Из ее золы изготавливается поташ – один из компо-

нентов, используемых в производстве стекла. Не буду вдаваться в подробности, скажу лишь, что древесины требуется очень много. При чем здесь Найя? Богатые лесами речные земли расположены не так далеко от княжества Двенского.

Моя амазонка возглавила экспедицию в верховья реки Хат, считалось, что это наше с ней совместное предприятие. Места там были заболоченные, труднопроходимые и малонаселенные. Трудностей экспедиции испытать довелось немало. Меня утешало лишь то, что все проблемы были связаны в основном с борьбой с природой и бытовыми условиями. Непростая экспедиция была все же менее опасной, чем путешествие с торговыми караванами.

Уже через два месяца после того, как было затеяно это дело, первые плоты потянулись по Хат. Доставка леса в Гремен с верховьев реки хороша еще и тем, что течение само несет плоты к месту назначения. Покупали лес и другие города, но их закупки были гораздо скромнее тех поставок, которые шли для Гремента. Барон Людвиг платил исправно, платил звонкой монетой не скупясь, – стекло окупало все затраты, первый в этом мире стекольный завод был очень выгодным делом. Единственное, что огорчало барона, – увеличивающиеся поборы со стороны соседей-тилукменов. Племена кочевников обложили данью все пять вольных городов реки Хат.

Объединение племен тилукменов одно время вызывало у меня серьезную тревогу, но с недавних пор действия их не настолько согласованны. Возобновившаяся водная торговля по Хат, вдоль берегов которой кочуют многие из тилукменских племен, действует на них, как красная тряпка на быка или как сыр на мышь. Причем все происходит, как в той поговорке: «Видит око, да зуб неймет». Тысячи всадников – грозная сила, но это на берегу. На просторах полноводной реки они бессильны. Кораблей у тилукменов нет, есть лодки, да и тех не так уж много. Недолгоблизуют кочевники воду, хоть и живут рядом с рекой. Разумеется, одиночному кораблю опасно плыть по Хат даже в таких условиях. Но когда по реке идет флотилия из десятка кораблей, тилукменам остается лишь завистливо смотреть с берега. Зарятся они на сокровища, перевозимые в трюмах, рано или поздно у одного из вождей не хватает сил спокойно смотреть на проплывающие мимо струги, и он организывает нападение, хоть и знает, что все предыдущие попытки захвата кораблей провалились. Жадность и близость добычи затмевают разум, заставляя вождей строить новые и новые планы.

Конечно, кочевники могут напасть на вольные города и разорить их, но тогда они останутся без дани и кораблей, идущих по реке, больше не увидят – купцам будет не с кем торговать. Что остается? Все те же попытки разжиться за счет торговых караванов, оставить это бесполезное дело выше их сил, так что водный поход к вольным городам не такое уж простое предприятие. Но пока походы удаются.

Что до абудагских наемников, то они рады новой работе – для охраны каждого каравана требуется сотня, а то и две воинов. Нанимают абудагцев купцы как из их родного государства, так и из империи, хотя некоторые имперцы, такие, например, как герцог Фагуа, предпочитают обходиться своими силами. Да и к чему герцогу наемники из Абудага? У него своя гвардия есть, и немаленькая. Но речь сейчас не об этом.

Водная торговля была необходима вольным городам Хат как воздух, даже несмотря на увеличивающиеся поборы со стороны кочевников. Правитель вольного города Гремента барон Людвиг в такой ситуации чувствовал себя более уверенно, чем правители других вольных городов. В свое время он сделал ставку на негласный союз с гномами и мной как их представителем. И не прогадал.

Наши струги доставляли барону отличные доспехи и вооружение, изготовленные гномами, до поры до времени Людвиг предпочитал держать все это в секрете. Кроме того, велики были и поставки металлоизделий мирного назначения. Обратное мы везли вяленую рыбу, икру, речной жемчуг и конечно же стекло. Людвиг богател и мог себе позволить пла-

тить за поставки древесины не скупясь, в том числе и дефицитнейшим стеклом. В восточных княжествах оно было не менее ценным товаром, чем в империи и Абудаге.

Долг семьи, казавшийся Найе неподъемным, таял, как снег весной. Через два года она смогла полностью рассчитаться с кредиторами. Расплатившись с долгами, Найя смогла ответить на мое предложение и сказала «да». Пышных торжеств мы не планировали, но не тут-то было. Как только весть о предстоящей свадьбе дошла до герцога Фагуа, нашим скромным планам пришел конец.

Можно ли сказать, что мы были с герцогом дружны? Он герцог, а я всего лишь виконт. Формально я от него полностью зависим. Но в том-то и дело, что формально. Независимость – странное слово. Зависимыми или независимыми мы делаем себя сами. Зависим прежде всего тот, кому много надо. Да, герцог знает, что его покровительство важно для меня, но еще он знает, что я не пропаду и без него. Это вызывает со стороны Фагуа определенное уважение.

Друзья ли мы с герцогом? Это странная дружба. С его стороны – это смесь уважения, некоторой доли снисходительности (все-таки герцог – второе лицо в империи после самого императора) и простой человеческой симпатии. А с моей стороны? Фагуа в общем-то неплохой человек, если делать скидку на то, что он герцог и иногда бывает несколько авторитарен. В такие моменты лучше держать дистанцию. Бывает, настроение герцога располагает к задушевности, и тогда он отличный собеседник, человек веселый и остроумный, с ним приятно пообщаться за столом или в кабинете. Я уважал Фагуа за живой ум и энергичность. К тому же он довольно-таки честен и порядочен, только несколько эгоистично, по-герцогски. Но здесь уж ничего не поделаешь – издержки дворянского воспитания.

Если учитывать все выше приведенные издержки, можно сказать, что мы с герцогом друзья. По крайней мере, принимает он меня радушно. Или не принимает. Но тогда я просто откладываю разговор и жду, пока его светлость придет в надлежащее настроение.

В общем, услышав о моей женитьбе, герцог заявил, что это событие должно быть обставлено надлежащим образом. Я тяжело вздохнул. Что значит «надлежащим образом» в понимании Фагуа, я знал. Это как минимум трехдневное мероприятие, на которое будет приглашена половина дворян всего герцогства. Более того, его светлость заявил, что организует все сам. Разумеется, герцог не собирался заниматься этим лично, нужных людей у него предостаточно. А когда он сказал, что может даже оплатить данное мероприятие, если у меня против обыкновения нет денег, я сдался. Все-таки зажимать свадьбу – занятие неблагородное.

Как я и предполагал, мероприятие получилось шумным: с балом-маскарадом, многочисленными подарками и поздравлениями, с банкетом. Были на него приглашены и те самые молодые вдовушки-баронессы, которые так лихо отплясывали на столе во время нашей первой встречи с Фагуа. Слава создателю, дальше этого не зашло. А ведь герцог предлагал мне сосватать одну из них в жены после банкета, сопровождавшего наше знакомство с герцогом и баронессами. И я тогда вполне мог принять это предложение: баронессы были недурны, а сердце мое свободно до той поры, когда я повстречал свою избранницу. Ужас! Я мог с ней разминуться! Тогда меня позвали в дорогу долг и незаконченное дело, а по возвращении я был уже знаком с Найей. Как извилисты порой пути нашей судьбы, и как мимолетная случайность может повернуть их раз и навсегда. Надеюсь, что навсегда.

Трехдневная свадьба была для нас серьезным испытанием. Дело в том, что я не слишком люблю банкеты. Но если бы все ограничилось только этим! Гномы заявили, что мы непременно должны посетить долину, чтобы отпраздновать нашу свадьбу не впопыхах (под словом «впопыхах» они подразумевали двухдневный пир, который я устроил у себя в поместье), а как полагается. Похоже, они решили окончательно уморить меня с этими торжествами. И отказаться было совершенно невозможно. Если гномы что-нибудь вобьют себе в

голову, то это надолго. Обычно мне все же удается их переубедить, но в этом случае они были тверды.

Я согласился. Надо признать, я был рад, что они меня уговорили. Давно собирался навестить долину, но дела не позволяли отлучиться. Поехали мы по первому снегу, вместе с последним караваном. Мороз был несильным, снега совсем немного, путешествовать – одно удовольствие. И почему здесь не любят водить караваны зимой?

Долина была все такой же, а вот въезд в нее разительно изменился. Оборонительная стена, которую возводили гномы, была почти полностью закончена. Она растянулась на полтора километра, поражая подъезжающих своей основательностью. Через каждые двадцать метров были устроены малые площадки для станковых арбалетов. Через каждые пятьдесят метров были установлены камнеметы, возвышающиеся над стеной и парапетами ограждения. Онагры и баллисты чередовались. Баллисты были более дальнобойными машинами, зато модернизированные онагры позволяли варьировать угол прицеливания в большем диапазоне, в том числе делать этот угол отрицательным, обстреливая пространство, почти прилегающее к стене. Гномы отлично подготовились к возможному вторжению. В следующем году достроят оборонительные укрепления в малом рукаве, ведущем в долину, и обороноспособность можно будет считать приемлемой.

О нашем появлении гномы узнали заранее – система наблюдения у них поставлена на должном уровне. Дежурная тысяча высыпала на поле. Под звуки трубы бородачи построились стройными рядами в полном боевом облачении. Я смотрел, улыбаясь, на их слаженные действия. Такой выучки нет, пожалуй, и в имперских легионах. Да что там «пожалуй», точно нет.

Гномы трижды слаженно ударили в щиты, прокричали дружное «ура» и... То, что произошло дальше, заставило меня улыбнуться еще шире. Поломав строй, они бросились бегом нам навстречу, стараясь обогнать друг друга. Найя придержала повод коня и бросила на меня обеспокоенный взгляд, но я подмигнул ей, давая понять, что все в порядке. Тому, кто не знает гномов, подобная их реакция может показаться странной. А это всего лишь выражение радости. Не будут они нас встречать как почетный караул. Только не гномы! Да и не жду я от них официальщины. Такое вот дружеское проявление чувств трогает меня гораздо больше.

Обступив нас веселой, шумящей толпой, гномы метали в воздух шлемы, что-то кричали. Это всенародное ликование продолжалось минут двадцать, пока наконец Раста не дал команду трубить сигнал построения.

Выучка взяла свое: командир тысячи вскинул штандарт, определяя отправную точку для построения, слышались команды сотников, через пять минут тысяча замерла в одном строю.

– Мастер Вик и Найя с дороги. Дайте им отдохнуть. Праздник запланирован завтра, – пристыдил встречающих мой друг.

Мы въехали в долину через открытые ворота. Похожая процедура встречи ждала нас еще не раз. В каждом поселке до самого Лопра (столицы долины гномов) нас встречала ликующая толпа. Как можно не любить этих коротышек? Они были так искренни! Я чувствовал себя вернувшимся домой путешественником. Найя удивленно оглядывалась.

- Вик, я и представить не могла, что ты здесь так популярен, – сказала она вполголоса.
- Не обращай внимания. Гномы все делают от души: и радуются, и огорчаются.
- На это трудно не обращать внимания. – Найя улыбнулась.

В долине мы пробыли около месяца. После того как отшумели праздники, началась пора индивидуальных визитов. Я повидал всех своих знакомых, посмотрел их новинки, послушал о планах. Право, я отдыхал этот месяц. Найя? Она очень быстро нашла общий язык с гномами – слушала их истории, рассказывала свои. Женщины гномов научили Найю

печь особые, долго не черствеющие хлебцы и гадать на камнях. А по вечерам мы сидели у камина и мечтали под мерное потрескивание поленьев. Такой вот выдался у нас медовый месяц.

На прощанье гномы подарили Найе зеркало. Большое, в половину ее роста. Это была невиданная роскошь, особенно если учитывать, что делать подобные зеркала могут очень немногие. Кроме меня и Нимли – еще два-три гнома. И все. Нимли строго хранит секрет его изготовления и не посвящает в него больше никого.

– Спасибо. Подарок, достойный герцога, – поблагодарила моя половинка.

– Поверь, у герцога такого зеркала нет, – шепнул я ей на ухо. – Надеюсь, ты не будешь его дразнить. Его светлость честолюбив и не любит, когда у других есть то, что ему недоступно.

Найя рассмеялась.

– Обещаю герцогу его не показывать, – пообещала виконтесса.

Не остался без подарка и я. Нимли с загадочным видом преподнес мне цилиндр примерно пятисантиметровой толщины и метровой длины.

Эту штуку я видел в антикварной лавке абудагского купца Лотуса.

– Нимли, ты купил у нашего друга это хитрое устройство?

– Хм! – улыбающийся Нимли подбоченился. – Гному не надо что-то покупать! Каждый гном – сам себе магазин!

– Ну-ка, ну-ка!

Я присмотрелся. Действительно, это была не та вещь. Похожая, но не та. Неужели?!

Я повернул замаскированный стопор, и из торца цилиндра со звоном выскочило полуметровое лезвие. В моих руках было что-то вроде меча с длинной ручкой или копья со слишком длинным лезвием. Я освободил второй стопор, и второе лезвие выскочило с обратной стороны цилиндра.

– Нимли, неужели ты его нашел?!

Гном довольно улыбался:

– Я же говорил, что мы, гномы, знали секрет изготовления пружинной стали.

– Дружище, это же... У меня просто нет слов! Ты настоящий мастер! – Я был вполне искренен.

– Спасибо! Похвалу из уст мастера приятно слышать!

– Нимли, может, поедешь с нами?

Гном отрицательно покачал головой:

– Раста поедет. Я хотел бы кое-что закончить. Приеду с одним из караванов.

– Я буду ждать, друг. С удовольствием погостил бы еще, но ты же знаешь, скоро весна. Пора готовить волокна к работе.

Это было год назад. Замечательный выдался год: я был счастлив, занят делами и семьей. Следующей осенью Найя хотела съездить навестить родных. Она звала их переехать к нам, но те привыкли к дому предков и уезжать не хотели. Вот Найя и собралась в гости.

Путь до княжества Двенского неблизкий. Я поехал бы с ней, но в последнее время обстановка была беспокойной: герцог Фагуа отсутствовал уже полгода, и было неясно, куда он подевался. Я собирался посетить Занту и попробовать разобраться с этим вопросом. Что могло случиться с герцогом? Слухов ходило много, но все они не заслуживали внимания.

Исчезновение герцога было тревожным знаком и, к сожалению, не единственным. Я чувствовал сгущающиеся над нами тучи, но не понимал, каким ветром их гонит. В такой ситуации я был даже рад отъезду Найи, хоть расставание меня и печалило. Почему я не поехал с ней? Потому же, почему был рад ее отъезду. Ситуация была тревожная, но неясная.

Бежать от тени – это как-то слишком. Быть может, я преувеличиваю. Быть может, никакой опасности нет, а все это лишь мои домыслы. Я хотел спокойно заняться расследованием.

– Не торопись, дорогая. Побудь у родных до лета, – сказал я Найе на прощанье.

Та встревожилась и хотела было отложить отъезд, но я ее уговорил:

– Обещай, что не будешь спешить с обратной дорогой.

– Вик, с тобой точно все в порядке? Не забывай, я хороший лучник и мечом пользоваться умею.

– Ты самый лучший в мире лучник, но ничем не можешь мне помочь. Если что-то случится, я пришлю гонца. А пока Соньер и Лесли тебя проводят. Так спокойнее.

Охотникам я наказал во что бы то ни стало доставить Найю до места.

Она поехала с небольшим караваном, пообещав присмотреть за ним по пути. Кроме охотников с ней отправились десять человек из наших сил правопорядка, в это время на волоке работы у них почти не было.

А через три дня Соньер примчался на взмыленной лошади, которая пала в воротах поместья.

– Вик, беда! – прокричал, подбегая, охотник. – На нас напали по дороге!

Мои нехорошие предчувствия оправдались. И оправдались они не так, как я ожидал.

– Кто?! Разбойники?!

– Нет. Это были имперские гвардейцы. Мы с ребятами приняли бой, но почти все они погибли. Леди Найя и Лесли оторвались и ушли на север, с ними еще три человека. Меня леди Найя отправила сюда, чтобы предупредить тебя. Что-то затевается, всю дорогу я чувствовал за собой погоню.

Если Соньер говорит, что чувствовал погоню, то так оно и есть. Он бывалый охотник и не склонен к преувеличениям.

– Найя в опасности?

– Их не достанут. И Лесли, и Найя – опытные следопыты. Оторвутся и повернут к востоку. А если не получится, уйдут к гномам. В долине их не возьмет вся имперская армия.

– Ты говорил, что чувствовал за собой погоню. Как они далеко?

– Совсем близко. Гвардейцы будут здесь не позже чем через час.

Глава 2

Я собрался было броситься к конюшне и мчаться на помощь Найе, но заставил себя на минуту застыть и как следует подумать. Не доеду! Если за меня взялись серьезно, то все дороги уже перекрыты.

Может, целью была именно Найя? Но зачем? Кому она могла помешать? Нет, вряд ли. Скорее это продуманная атака, и нападение на Найю и Лесли – только один из эпизодов. А если так... Если так, то волок должны окружить плотным кольцом. Мне не дадут уйти. Как же не вовремя исчез Фагуа! Ведь с герцогом вынужден считаться и сам император. Да, мне порой приходилось отвлекаться на проекты герцога, но он был надежным щитом от подобных неурядиц. Куда его понесло и почему он не поделился своими планами?

Кто все это затеял? Сам император? Вряд ли. Я слишком незначительная для него фигура. Да и чем я мог помешать императору? Тогда кто? И зачем? Вопросы, вопросы... И пока никаких ответов.

Так или иначе, ждать визита гвардейцев после того, как они совершили нападение на наш караван, было бы глупо. Дать им бой? Не смешите меня. В моем распоряжении два десятка отличных мечников под командой Кулана. Кроме того, в поместье сейчас Нимли и два десятка гномов. Всего этого было бы достаточно для того, чтобы разогнать сотню-другую разбойников, но пожалуют к нам вовсе не разбойники. Да и разобьем мы сотню гвардейцев, а что дальше? Это не решит проблемы. Нет, принимать бой – это не выход. Потеряю людей да и сам могу сложить голову в бою. Этот мир полон опасностей, но если вступать в бой, то надо знать, для чего. То, что мне сейчас больше всего необходимо, – это информация, а значит, будем действовать по обстоятельствам.

– Позови Кулана и Нимли, – бросил я парнишке из местных.

При волоке сам собой образовался небольшой поселок. Надо признаться, я не прилагал для этого никаких усилий. Людям, которые работают здесь летом, надо где-то жить. Кто-то должен их кормить, кто-то – организовывать постой. И все это не только для работников, но и для путешественников. С наступлением зимы большая часть народа разъезжалась, но некоторые решили поселиться здесь. Люди просили моего согласия на то, чтобы построить жилье неподалеку от волока, я не препятствовал. Просили разрешения распахать землю. Интересно, почему им здесь до сих пор не пахалось? Хотя могу понять: кому захочется селиться на пустынном берегу? Иное дело, когда рядом появляется населенный пункт. Сейчас по соседству проживало около двухсот человек, и бегающие по берегу ребятишки были совсем не редкостью.

Кулан появился первым. Кстати, он тоже переехал жить в поселок, как и многие из моих гвардейцев. Чувствую, обосноваться здесь они решили серьезно. Кое-кто уже обзавелся семьями или перевез их поближе к себе.

– Проходи, садись, – предложил я. Времени было мало, но разговор предстоял серьезный.

– Спасибо, мастер, – поблагодарил начальник службы охраны правопорядка. Такое обращение он перенял у гномов. Да он и сам мастер – мастер меча.

– Как тебе служба? Не жалеешь, что остался?

Кулан взглянул с подозрением, но ответил:

– Нет, не жалею. Если у вас, мастер, нет других планов, я останусь здесь надолго.

– Оставайся, буду рад. А вот мне придется отлучиться. Надо разобраться в одном деле.

– Сколько человек отрядить в сопровождение? – быстро среагировал инструктор.

– Нисколько. Да и из тех, кто ушел с нашим последним обозом, многих недосчитаемся.

Кулан бросил встревоженный взгляд на Соньера:

- Что случилось?! Кто напал на караван?
- Имперские гвардейцы, – отозвался охотник.
- Гвардейцы?! – На секунду на лицо Кулана набежала тень удивления, но в жизни бывший легионер повидал много чего. Инструктор лишь уточнил: – Чьего подчинения?
- Я бросил вопросительный взгляд на Соньера.
- Не знаю я все полки. У них была эмблема. Желтая линия на левом рукаве.
- Полк Лефлера, – сказал Кулан.
- Времени нет обсуждать подробности. Скажи, они могли действовать без ведома императора?
- Кулан пожал плечами:
- Простые гвардейцы не знакомы с императором лично. От кого получил приказ сам Лефлер, не знаю.
- Я кивнул. Пожалуй, вопрос был излишним. Теряю время, а его и так немного.
- Самое главное: не знаю, успею ли я вернуться к весне. Если нет, проследи, чтобы волокни работали нормально.
- Я?! – удивился Кулан.
- А что, порядки тебе известны, люди свое дело знают. Присмотри, чтобы все было как всегда.
- Хорошо. Сделаю.
- Теперь о том, что будет сейчас: скоро сюда пожалуют люди Лефлера. Вы остановите их на заставе и поинтересуетесь целью прибытия. Если они с ходу атакуют...
- Кулан недобро сверкнул глазами и упрямо сжал скулы:
- Встретим, как положено. Не беспокойтесь, мастер, мы свое дело знаем. Только уж извините, если не смогу выполнить первое распоряжение. У меня отборные бойцы, но, думаю, гвардейцев будет немало.
- А вот этого не надо. Мне ваша смерть не нужна.
- Это наша работа, – возразил Кулан.
- Не сейчас. Если они атакуют с ходу – уходите. Мне самому приходилось стоять насмерть, но сейчас не тот случай. Если они остановятся, постарайтесь разговорить гвардейцев. Информация сейчас важнее всего. Если разобьем тех, кто к нам пожалует, то это ничего не изменит. Сейчас важнее понять, откуда дует ветер.
- Соньерище, ты откуда?! – Шумный Нимли поднялся на террасу и хлопнул охотника по плечу. Гном был в мастерских и не видел прибытия охотника. Поэтому он и не был встревожен.
- Я пойду, – сказал Кулан и, дождавшись моего кивка, отправился готовиться к встрече.
- Беда, Нимли, – огорчил я гнома. – На караван напали. Найя и Лесли отклонились к северу и направились к границам Абудага. Оттуда будут пробираться на восток.
- Враг?! – Возмущенный гном повернулся, будто неведомый враг был уже здесь. – Зря вы с Найей не остались в долине, Вик! Там никакой враг был бы вам не страшен!
- Ты ведь знаешь, всем нам нужен этот волок. Да и что толку теперь об этом говорить. Пора действовать.
- Гномы всегда готовы намять бока врагу! О-хо-хо! Где он?!
- Не время, друг. У меня будет к тебе другая просьба.
- Какая?
- Отправиться в Абудаг и разыскать там следы Лесли и Найи.
- Гном затеребил бороду и на пару секунд задумался.
- А ты?
- Я сейчас опасный спутник.

Нимли подбоченился, готовясь высказаться об опасностях и гномах, которые их не боятся, но я его опередил.

– Не хочу, чтобы враги погнались за мной и нашли Найю.

Нимли что-то недовольно пробурчал.

– Хорошо, но давай хотя бы я останусь с тобой. Вместе мы сила.

– Нет, друг. Такое ответственное поручение я могу доверить только тебе. И выехать надо через полчаса.

– Полчаса?! Так чего же мы время теряем?! Чем еще я могу помочь, Вик?

– Одолжи свою бороду.

– Ну уж нет! Свою надо было растить! – возмутился гном.

Я улыбнулся:

– Нимли, не возвращайтесь сюда, пока не получите известий. Если Найю найти не удастся, езжайте в долину.

Мой друг недовольно запыхтел.

– Хорошо. Ты мастер обороны и лучше знаешь, как теперь поступить, – наконец проговорил он. – А Найю мы обязательно найдем. Гномы – самые лучшие поисковики в мире.

Нимли отправился готовить фургоны, я же обернулся к Соньеру. Охотник успел отдышаться, пока я вел разговоры, с момента его появления прошло минут двадцать.

– Как думаешь, лед на реке уже достаточно прочный?

Соньер взглянул на меня с удивлением. Не ожидал он такого вопроса.

– Я бы переходить реку по льду не рискнул, – отозвался охотник. – Местами, на быстринах, вода до сих пор не замерзла. Можно провалиться.

– А сани лед выдержит?

– Сани? – Соньер на секунду задумался. – Не поручусь, но должен. Если те, которые на широких полозьях.

– Тогда отправляйся к ангару и готовь буер. Бери только самое необходимое, поедем налегке.

Соньер понимающе кивнул, я же задумался: ехать сейчас или дожждаться прибытия имперских гвардейцев? Оба варианта имели свои плюсы. Что давал немедленный отъезд, думаю, объяснять не надо. С другой стороны, если подождать, можно выяснить серьезность намерений противника.

Я не зря упомянул о санях. Наш буер, который мы построили в Лукино ради развлечения и отработки навыков управления парусом, там и остался. На нем катается местная детвора, весьма довольная таким положением дел. Мы же с Нимли соорудили еще два буера. Они хранятся в небольшом ангаре на берегу, где ожидают, пока наступающая зима войдет в силу и можно будет прокатиться на парусных санях. Первый буер скользит по льду на трех тонких полозьях конькового типа. Эта легкая машина при хорошем ветре разгоняется километров до сорока в час. Должен вам сказать, это непередаваемые ощущения, совсем не то же самое, что поездка на автомобиле. Правда, при неосторожном маневре можно перевернуться вместе с санями или получить по спине парусом при внезапной смене галса и вылететь на лед. Как говорится, не зевай. Но чувство, которое возникает при поездке на парусных санях, трудно с чем-то сравнить. Лед мчится навстречу, можно просто дотянуться до него рукой. Запрячь ветер – это здорово!

Второй буер более тяжел: это сани на широких полозьях, обеспечивающих хорошую опору, и с рулевой лыжей, расположенной впереди. При желании в таких санях можно ехать не только по льду, но и по снегу, если поле достаточно ровное, а снег достаточно тверд. Для того чтобы полностью использовать все возможности ветра, один человек должен сидеть у руля, а второй – управлять парусом. Вот эти вторые сани и должен был подготовить Соньер

к отъезду. Он, как и многие постоянные жители поместья, умел обращаться с буером и не раз совершал на нем заезды.

Пока Соньер готовил сани, я решил собрать то небольшое, что возьму с собой, и продумать маршрут.

Тем временем гномы собрались в дорогу. Два массивных фургона с двухметровыми колесами, запряженные северными быками, тронулись в направлении дороги, идущей на Абудаг. Фургоны гномов – это передвижные крепости. Полностью крытые, и не просто парусиной, а деревом или железом. По бортам устроены узкие бойницы, которые при необходимости открываются, предоставляя простор для вооруженных арбалетами стрелков. Гномы – единственные, кто активно использует это оружие с моей легкой подачи. Они совершенствуют его устройство, добиваясь скорейшего взвода и большей дальнобойности. Что касается станкового арбалета – то это изобретение полностью принадлежит жителям долины. Убойная штука. Болт, выпущенный из этого механизма, летит на добрых пять сотен шагов, и это при том, что весит он более килограмма. Станковый арбалет может метать три болта одновременно. В таком случае болты используются почти такие же, как и применяемые для ручных арбалетов. За пределами империи дороги не всегда спокойны, но на караваны гномов нападать решаются очень редко, слишком велики при этом бывают потери у нападающей стороны.

Нимли подъехал ко мне, чтобы попрощаться.

– Может, я все-таки останусь? – с надеждой спросил гном.

– Нет, друг. Не надо. Когда вас остановят для досмотра, не сопротивляйтесь. Если я все правильно рассчитал, задержать вас не должны.

– Гномов никто не может задержать! – отозвался Нимли. – И все-таки я за то, чтобы дать бой врагу!

– Не сейчас. Надо сначала определиться, кто наш враг. Эти гвардейцы всего лишь выполняют приказ.

Нимли покачал головой, но возражать не стал.

Я поднялся на наблюдательную вышку и стал провожать взглядом отъезжающий караван. Если бой все же завяжется, придется бросать все имеющиеся силы на выручку. Эх, так и не обзавелся я подзорной трубой! Но эксперименты с линзами – дело непростое и небыстрое.

Обоз остановили километрах в трех за воротами. Конные гвардейцы (их было не меньше сотни) рассыпались вокруг фургонов. Я прикусил губу: если я рассчитал неверно, то сейчас завяжется бой. Не смогу себя простить, если по моей вине гномы погибнут.

Минут десять на дороге не происходило ничего нового. Наконец я с облегчением вздохнул: фургоны двинулись дальше. Значит, все верно. Целью гвардейцев являюсь именно я. Они убедились, что людей в фургонах нет, и пропустили повозки.

Сотня имперских гвардейцев рысью направлялась к воротам. Станут ли они действовать с ходу или попробуют обойтись без боя? Заставит ли их знак легиона, который Кулан и многие из его людей носят не в виде нашивки, а как медальон на груди (так принято у отставников), вести себя более осмотрительно? Там гвардейцы, а здесь бывшие легионеры. Чтобы было понятнее, стоит сказать несколько слов о вооруженных силах империи.

Основу имперских вооруженных сил составляют легионы численностью от пяти до семи тысяч человек каждый. В основном это пехотные части, иногда смешанные, призванные вести бои с внешним врагом и оборонять границы государства. Можно сказать, что это регулярная армия.

Что до гвардии, то здесь не все так просто. Гвардейцы делятся на имперских и личных. В принципе, любой значимый дворянин империи имеет право набрать себе гвардию. Естественно, позволить себе такое могут далеко не все: содержание гвардии – дело довольно затратное. Многие из обедневших дворян, напротив, вынуждены искать себе место в гвардии

состоятельных вельмож или в имперской. Зачастую гвардейские полки чуть ли не наполовину комплектуются из обедневших дворян. Тем не менее принимают туда и людей простого сословия. Надо ли говорить, что для поступления в гвардию не дворянину следует обладать исключительными способностями. Дворянам проще, право рождения изначально дает им определенные привилегии, а вот простолюдинам приходится демонстрировать высокую степень выучки и владения оружием, чтобы претендовать на поступление в полк, ведь это определенный социальный лифт, определенная ступенька. Да, усилия, которые требовалось прилагать не дворянину для продвижения по службе, были немалыми, да, ему сложно было рассчитывать подняться выше должности младшего командира. Но какой повод отличиться! Порой дворяне роптали по поводу такой системы комплектования состава, но император был непреклонен. Я, например, такой подход одобряю: он позволяет обществу двигаться вперед, не застыть, заостенев в своем развитии. От этого недолго и до регресса.

Вообще, в империи порядки довольно демократичны. Есть дворянство. Разумеется, его права гораздо шире, чем у простолюдинов. Есть города и селения, расположенные на землях дворян, проживающие в них люди платят ренту, весьма скромную, надо сказать, причем единую независимо от места проживания. Есть города, управляемые имперскими наместниками. Есть поселки, такие как Лукино, которые обходятся самоуправлением, не забывая платить соответствующие налоги. В этом случае налоги выплачиваются только в имперскую казну и в казну герцогства, рента местному землевладельцу не отчисляется. Если вы думаете, что жители при этом много экономят, спешу вас разуверить. Самоуправление тоже требует расходов. Тем же лукинцам приходится регулярно сбрасываться на общественные нужды, будь то ремонт мостовых, общественных пристаней или оплата труда выборного распорядителя. В результате экономия получается совсем небольшой при массе дополнительных хлопот. Главное, что выигрывают жители поселков, находящихся под самоуправлением, это возможность считать себя свободными, но это понятие довольно призрачно. Полностью свободным не бывает никто и никогда, даже герцог Фауга связан определенными обязательствами. В то же время ничего напоподобие крепостничества здесь нет и в помине. О том, чтобы ограничить свободу перемещения законопослушного жителя империи любого сословия, не может быть речи.

Почему все именно так? Думаю, императора это устраивает. Существенная часть городов находится под непосредственным управлением его наместников, что только усиливает его власть. По сути, наместником назначается тоже кто-то из дворян. Разница лишь в том, что назначение это может быть отменено в любой момент в отличие от владения жалованными землями. Все ли устраивает самих дворян? В большинстве случаев – да. С той поры, когда развалилась старая империя и после нескольких десятков лет брожения и междоусобиц на части ее территории основалась новая, все устроено именно так. В том числе существуют и вольные поселения. Как правило, они не слишком велики. Скорее, это символ, демонстрирующий свободу выбора проживающих здесь людей. Император мог бы лишить людей возможности самоуправления одним росчерком пера, назначив своих наместников, но ему выгоден данный символ, хотя бы как противовес чрезмерным властным устремлениям знати. Зарится ли на эти поселки дворянство? Бывает. Но сложно требовать от людей слишком многого. Границы империи довольно условны, часть территорий за ее пределами вообще не заселена. Да, жизнь в империи более благоустроена и безопасна, но это пока. Если здесь начнут чрезмерно закручивать гайки, оттока населения не миновать. И горе тому дворянину, который сгонит людей с земли империи. Его не поймут ни соседи, ни тем более император. Не поймут в решительной форме.

Теперь о гвардии. Чем отличалась имперская гвардия от личной? Собственно, финансированием. Герцог Фауга содержит свою гвардию, и довольно немалую. Естественно, платит он за это из своего кармана. Что до имперской гвардии, то комплектование того или иного

полка поручается определенному вельможе, в частности, барону Лефлеру. На содержание сформированного полка отпускаются средства из императорской казны.

Отношения между гвардейцами и легионерами вряд ли можно назвать дружескими. До откровенных конфликтов не доходило, но гвардия считает себя привилегированным формированием и смотрит на полевую пехоту несколько свысока. Отчасти они правы. Отбор в гвардию более строг, и используется она зачастую для специальных поручений. Но часть – это всего лишь часть. Легионеры считают, что основная нагрузка по обороне империи падает на них. Надо признать, считают небезосновательно. И те и другие в чем-то правы, но, как это часто бывает, видят только часть правды, ту, которую им видеть предпочтительно. Людям вообще свойственно замечать лишь то, что им хочется заметить, отмечая в сторону то, что им видеть не хотелось бы. Такие вот непростые взаимоотношения между родами войск. Это в целом. В частности бывает по-разному: от взаимного уважения до неприязни.

Кроме гвардии и легионов, есть еще ополчение, но оно носит нерегулярный характер и собирается только в случае необходимости.

Командовал гвардейской сотней лейтенант с лихо закрученными усами, имеющий бравую выправку. Гвардейцы все-таки не стали атаковать наши силы правопорядка с ходу. Они остановились шагах в пяти от перекрывших дорогу людей Кулана. Сам инструктор стоял в двух шагах впереди, положив руку на меч, находящийся в ножнах. Успокоить это могло только человека, не знающего начальника наших сил правопорядка. Для того чтобы выхватить меч, Кулану достаточно доли секунды.

– В чем дело?! – недовольно спросил гвардеец.

Кулан молча стоял у него на пути, и лейтенанту пришлось продолжить:

– Почему вы преградили нам дорогу?!

– Потому что это не дорога. Это въезд на территорию поместья.

– Что за чушь! Летом здесь настоящий проходной двор и никого не задерживают!

– Скажите, какое у вас дело. Возможно, вам мы тоже не будем препятствовать.

– Нам препятствовать?! Препятствовать имперской гвардии решались немногие, и всем им пришлось об этом пожалеть!

Гвардеец тронул своего коня, но холодный взгляд Кулана заставил животное с ржанием попытаться.

– Что за фокусы?! – вскричал лейтенант.

– Кони сообразительны. Ваша лошадь знает, что не переступит этой черты, – отозвался инструктор.

– Все, мне это надоело! – Гвардеец потянулся за мечом.

– А стоит ли? – спросил Кулан. – Мы все еще можем договориться.

– Чего ты хочешь?

– Всего лишь узнать цель вашего визита.

– У нас дело к виконту Вику, и говорить мы будем только с ним!

– Так бы сразу и сказали. Нет ничего проще, – сказал Кулан, и гвардеец убрал руку с меча. – Но виконт не любит лишнего шума. Всю сотню не пропущу.

Лейтенант на секунду задумался.

– Первый десяток за мной, остальным ждать здесь! – командовал гвардеец.

Расстояние от моего дома до ворот – около двух сотен метров. Лейтенант решил, что ничем не рискует, оставляя здесь большую часть своих людей. Я же довольно улыбнулся. В данной ситуации эта уступка была максимально возможной. Десять гвардейцев – это тоже слишком много, но все же меньше сотни.

Я подготовился как мог. Если рассчитал все правильно, у меня будет около четырех минут на то, чтобы поговорить с лейтенантом. Ну а потом придется срочно уносить ноги.

Соньер уже должен был поставить мачту и парус. Нам надо не более пары минут, чтобы выкатить буер из ангара и набрать приличную скорость.

Гвардейцы спешили и подошли к дому, когда я окликнул их. Они удивленно обернулись.

– Виконт Вик? – Лейтенант расплылся в самодовольной улыбке.

Представляю, что он себе вообразил.

– К вашим услугам, не знаю, как вас там...

– Лейтенант Щапс, – представился гвардеец. – Виконт, что вы там делаете?

Вслед за лейтенантом рассмеялись и гвардейцы. Уж не вообразили ли они, что я таким образом решил укрыться от них.

– Наблюдаю за рекой. Отсюда, знаете ли, открывается замечательный вид.

Вид и правда был замечательный: на реку, на прорубь, на водяное колесо, вращающееся и приводящее в действие водяной насос. На тонкий трос, медленно наматывающийся на вал привода насоса. Трос хорошо идет, больше половины уже намоталось.

Насос был самый простейший – поршневой. Водяное колесо вращало кривошип и обеспечивало поступательное движение поршня в цилиндре. Тот подавал воду в трубы через простейший обратный клапан. Финалом путешествия воды из реки была водонапорная башня – большая бочка объемом около семи кубометров, поставленная на три опоры. К одной из этих опор и был привязан второй конец троса. Того самого, который в данный момент продолжал натягиваться.

– Хватит шутить, виконт. Слезайте.

– Шутить? Я пока еще и не начинал. Чем обязан?

– Вам придется поехать с нами.

– Куда? Зачем?

– В столицу.

Я сделал вид, что задумался.

– Признаться, у меня пока нет таких планов. Возможно, позже...

– У меня приказ в случае неповиновения применить оружие, – начал кипятиться лейтенант.

– Чей приказ? Лефлера? Император в курсе того разбоя, что вы творите на дорогах?

– Какого разбоя?

– Ваш отряд напал на наш караван! Я хочу знать: чей это был приказ?!

– Я не обязан отчитываться! – выкрикнул лейтенант.

– Тогда поднимайся сюда. Вместе полюбуемся на реку.

Я взглянул на трос, осталось не больше минуты.

– Тебе все равно не уйти! – бросил лейтенант.

– Много слов, лейтенант! Твой отряд напал на наш обоз?

– Я поднимаюсь! – крикнул Щапс вместо ответа. – Коня!

Один из гвардейцев бросился выполнять приказ. Лейтенант вскочил в седло, затем стал на него ногами и запрыгнул на крышу навеса, где я находился.

Крытая просмоленной доской крыша была довольно пологой. Стоять на ней было чуть неудобно, но и только.

– Так это был твой отряд? – Я холодно посмотрел в глаза лейтенанту. Не люблю, когда нападают на близких мне людей.

– Это был отряд лейтенанта Турье. Но сейчас здесь я, – ответил гвардеец, отводя глаза в сторону.

– Турье сегодня повезло.

– Ты все еще не хочешь идти с нами? – спросил упрямец.

– Извини, в другой раз. Что-то мы разболтались.

Трос перестал наматываться вхолостую. Он натянулся, загудел. Секундой позже ослабленные крепления опоры не выдержали, и она упала. Бочка накренилась. Увы, мне некогда было устраивать поединок с лейтенантом. Он обернулся, с удивлением глядя на падающую водонапорную башню, и я толкнул его вниз к его гвардейцам.

Не спортивно? Может быть. Но я ничего ему не обещал. Да и десять его друзей, ожидавших внизу, не собирались меня отпускать в том случае, если я выиграю поединок. С их стороны это не спортивно вдвойне. На войне как на войне. Да и не убил я его, собственно. Всего лишь обеспечил Щапсу холодный душ плюс падение с трехметровой высоты. Неприятно, но не смертельно.

– Привет Турье!

Семь кубометров воды хлынули на замерших в изумлении гвардейцев. Почему они не отбежали? Во-первых, на это была лишь пара секунд. И во-вторых, чтобы быстро среагировать, надо хотя бы предполагать нечто подобное. Нет у них подобных рефлексов.

Гвардейцев смыло! Нехорошо смеяться над бедой ближнего своего, но я невольно улыбнулся, увидев, как они катятся к реке в потоке воды. Настоящий аквапарк. Надо будет непременно устроить что-нибудь подобное для себя и гномов, только... Не зимой, конечно!

Ничего, замерзнуть не успеют, мой дом рядом. Зато какие незабываемые впечатления! Берусь поспорить, им не доводилось испытать ничего подобного. Но они не торопились сказать мне спасибо. Какие неблагодарные люди. С криками и руганью гвардейцы поднимались к навесу, скользя на сыром склоне.

А подниматься им не было никакой необходимости, поскольку я в это самое время уже прыгнул с навеса и бежал к реке несколько левее того места, где съехали гвардейцы, вот только видеть меня они не могли. Через минуту имперцам удалось прийти в себя и окружить навес. Станные люди! Они что же, думали, что я их буду там ждать? Одного из гвардейцев подсадили его товарищи, и он сверху оповестил их криками о том, что виконт Вик исчез.

Остающиеся у ворот конные гвардейцы услышали крики и поспешили на помощь своим товарищам. К чести Кулана надо сказать, что поступил он очень достойно. Сдвинув щиты, наши силы правопорядка встали плотной стеной на пути конницы. Разумеется, долго они продержаться не могли. Под ударами кавалеристов им пришлось отступить, но минута, которую они выиграли, была для меня спасительной. Но обо всем этом я узнал уже гораздо позже.

Как только конница прорвалась за ворота, Кулан со своими людьми начал отходить вдоль волока к северу. Конница преследовать их не стала, кавалерия хлынула к дому и рассыпалась по ближайшим окрестностям.

Конечно же они нас нашли. Когда сани выехали на реку, их трудно было не заметить. Сгоряча несколько кавалеристов пустили коней на лед, который не замедлил провалиться. Количество искупавшихся увеличилось еще на несколько человек.

На берегу возникло столпотворение, но продолжалось оно недолго. Увидев, что наши сани не проваливаются, гвардейцы пришли к логичному решению – спешившись, два десятка человек побежали к нам по льду.

– Мастер Вик, бегут! – встревожился Соньер.

– Вижу. Давай поднажмем.

Мы соскочили с саней и стали их толкать, помогая набирать ход. Лед предательски трещал под ногами. Еще немного!

Сани разогнались. Пора. Я запрыгнул на место рулевого.

– Соньер, скорее!

– Сейчас! – отозвался охотник.

– Прыгай, говорю! Провалишься!

По льду пошла трещина. Соньер не стал дальше рисковать и запрыгнул на второе сиденье, позволяющее управлять парусом.

Сани набрали ход, но и гвардейцы приближались.

– Соньер, держи парус! Поворачиваем ближе к середине реки!

Я повернул руль, охотник помог повороту, поймав парусом ветер. Буер мчался почти поперек течения. На середине лед тонок, выезжать туда опасно.

«Когда?» – этот вопрос я задавал себе ежесекундно.

– Есть! Вик, есть! – восторженно вскричал Соньер. – Провалились!

Я оглянулся. Гвардейцы барахтались в воде. Что и следовало доказать, ведь полозья саней давили на лед меньше, чем подошвы бегущих людей.

– Утонут? – спросил охотник.

– Не должны. До берега не так далеко. Намокнут, замерзнут, но и только. Сегодня для гвардии выдался день купания.

Но гвардейцы преследования не прекратили. Они верхом пустились вдоль берега, сопровождая нас. Несколько выпущенных стрел заставили меня пересечь реку и прижаться к противоположному берегу. Ничего, берег не везде удобен для проезда. Скоро придется гвардейцам отъехать от реки, ведь заросли ивы там тянутся на несколько километров.

– Мастер Вик, а куда мы едем? – задал резонный вопрос Соньер.

Куда мы едем? Я не мог об этом не подумать заранее.

– Мы едем в Занту.

– Так он же в другой стороне! – Соньер от удивления дернул парус, и буер опасно вильнул в сторону.

– Ты там поосторожнее, а то мы вообще никуда не доберемся.

– Виноват, мастер, – отозвался охотник. – Но Занту ниже по течению, а мы едем вверх по реке. Почему?

– Гхм! На это есть две причины. Первая – мы запутываем следы.

– А вторая? – переспросил Соньер, потому что я замолчал.

– Ветер дует в эту сторону.

Соньер рассмеялся:

– Вы правы, мастер, это причина очень веская. Но долго мы еще будем так ехать?

– Долго не получится. Если ты помнишь, в тридцати километрах выше по реке есть мост. Почти наверняка он перекрыт.

Скачущие по берегу гвардейцы отстали, и я стал думать, где нам лучше пристать к берегу. Километров через пятнадцать справа от нас появилось село Верта. То, что надо. Село достаточно крупное, но не это самое главное. Важнее то, что там есть почта (о ней чуть позже).

– Соньер, убирай понемногу парус, – крикнул я и направил сани к помосту, выступающему в реку метров на десять. Таких помостов здесь наблюдалось немало – летом к ним швартуются лодки. Зимой я решил пришвартовать к ним сани.

Ха! Три раза ха! Вот что значит решить, что все продумал. Судьба любит пошутить. Стоит посчитать себя самым умным, и она спешит доказать, что это не так. Что случилось на этот раз?

Мы въехали в прорубь! Помост длинный, прорубь невелика. Как мы могли попасть именно в нее?! Иначе, как шуткой судьбы, это объяснить невозможно! Прорубь чуть примерзла, ее припорошило снегом. Заметить ее заранее было невозможно.

Как я понимаю гвардейцев! Нам с Соньером довелось испытать примерно такие же эмоции. Когда неожиданно оказываешься в ледяной воде, впечатления получаешь просто потрясающие. Холодная вода очень бодрит. С ней не сравнится никакой кофе. Кто не верит, может испытать на себе, нырнув в реку или хотя бы опрокинув на себя ведро ледяной воды.

Незабываемые впечатления. А когда к этому прибавляется еще и удивление от того, что лед вдруг уходит из-под ног... Выброс адреналина просто гигантский. Наверное, именно в таком состоянии люди перепрыгивают трехметровые заборы. Я не успел заметить, как очутился на помосте. Будто гигантская пружина подкинула меня и достала из воды! И это при том, что на мне были панцирь и меч в ножнах на боку. Самое интересное, когда я обернулся, обнаружил Соньера, стоящего рядом. Видимо, его пружина была не менее сильной.

Как ни быстро мы выскочили на помост, а все же успели промокнуть до нитки. Глубина реки в том месте, где мы провалились, была около полутора метров, но то, что мы окунулись в воду всего лишь по грудь, а не с головой, было малым утешением.

Секунд через пять нам удалось в полной мере осознать произошедшее, да и холод уже начал давать о себе знать. Мороз невелик, но одежда и сапоги могут примерзнуть к телу очень быстро.

– Бежим!

Мы бежали изо всех сил. Куда? К первому попавшемуся жилью. Тому, которое оказалось ближе всего к берегу. Дом был неказист, но имел одно преимущество, которое перекрывало все его недостатки, – бежать до него было недалеко.

Не знаю, что подумали жители, когда увидели двух человек в полном доспехе, вломившихся на полном ходу в их дом. Старуха уронила ухват, старик вскочил на лавку и ударился головой о притолоку.

Мы начали стаскивать с себя одежду, которая уже покрылась корочкой льда. Еще десять минут – и не миновать обморожения.

– Простите нашу бесцеремонность. Мы провалились под лед, – объяснил я хозяевам причину нашего появления.

Старик перевел дух, старуха подхватила с пола ухват и поставила его в угол.

– Сюда. Поближе к огню, – предложил хозяин хижины. – Разве ж я не понимаю? У реки живем. Старая, неси скорее сухую одежду. Уж не побрезгуйте. Что есть.

– Спасибо.

Сейчас любая сухая холстина воспринималась как манна небесная.

Через полчаса мы уютно сидели у жаркой печи в сухой домотканой одежде с чашками травяного чая в руках. О, какое это было блаженство! Нашу одежду старуха заботливо развесила на просушку. Скрипнула дверь – это вернулся старик с берега от проруби, в которой застрял наш буер.

– Ну как, уважаемый, вы все сделали, как я просил?

Старик махнул рукой, расстраиваясь, и бросил парусину в угол.

– Такая штука чудесная. Не жалко?

– Жалко, но ничего не поделаешь.

– Затопил я вашу повозку. – Старик еще раз махнул рукой. – Парус вот снял. Хорошая материя в хозяйстве пригодится.

– Дед, хочешь, я тебе такие же сани подарю? Будешь удивлять односельчан, по льду кататься.

Старик на минуту задумался.

– Нет, не надо. Не по мне такая повозка. Эх, лет тридцать назад я бы прокатился! Годы берут свое. Повозку хорошо притопил, камней не пожалел. Чем еще могу помочь, милсдарь?

– Спасибо, вы и так нам помогли. Обсохнем, согреемся и пойдем. Кстати, почему ты не стал ничего спрашивать?

– А что спрашивать? Хорошему человеку надо помочь.

– А ты почему знаешь, что хорошему? – Я был удивлен.

– Как не знать. У нас летом на волоке почитай треть села работает. Многие с того семьи кормят, и кормят неплохо. Во всей округе нигде так хорошо не платят. Милсдарь здесь в

любой дом может войти – примут, накормят и помогут. Мы добро помним. А что испугались поначалу, так оттого, что не признали сразу.

– Кто ж знал, что так получится, – развел я руками.

– Милсдарь, а вот ента штуkenция, часом, вам не сгодится? В саях лежала, вот я и прихватил.

Дед держал в руках мой лук.

– За это спасибо. Вещь сделана на заказ, в лавке такую не купишь. Потерять ее было бы жаль.

Лук и в самом деле был особенный. Для кого-то бесполезная вещь, для меня очень удобное оружие. Стрелять из него легко, но только тому, кто не привык к стандартному луку, а переучиваться довольно сложно. Кроме того, лук был складным и в собранном состоянии достигал всего сантиметров сорок в длину. Благодаря своей конфигурации он имел изначально меньшее натяжение тетивы, чем стандартный лук, и мог долго оставаться собранным без опасения потери упругости.

– Я сразу смекнул, что вещица непростая, – довольно сказал старик.

Золотая монета легла на стол, но старик нахмурился:

– Убери. Убери, милсдарь, не обижай старого человека. Разве ж я для того помогал? Уваженье-то за монеты не купишь.

– Спасибо! Тогда у меня будет еще одна просьба. Есть здесь лавка?

– Есть, как не быть.

– Нам бы пару плащей попроще. Здесь и золотой пригодится.

– За те, что попроще, лучше серебром платить.

– Совсем простые не обязательно. Главное, чтобы не слишком в глаза бросались.

– Сейчас схожу до лавки, а лучше до портняжки. Там подешевле, да и товар хороший взять можно.

Дед исчез за дверью и через какое-то время появился с двумя плотными шерстяными плащами. Одежда наша высохла, и мы попрощались с гостеприимными хозяевами, пожелав им удачи.

– Куда теперь? – спросил Соньер, когда мы вышли на улицу.

– На почту. Пора браться за дело серьезно.

Глава 3

История почты моего родного мира насчитывает несколько тысячелетий. Общество росло, организовывалось, и людям требовалось обмениваться информацией. Причем делать это надо было быстро. Для обмена сигналами использовалось все, что возможно.

Африканские тамтамы были слышны на несколько десятков километров. Отбивая заранее обусловленные сигналы, жители континента передавали то или иное сообщение по цепочке, порой на сотни километров. Американские индейцы передавали сообщения при помощи дыма сигнальных костров. Австралийские аборигены применяли звуковую сигнализацию. Но все эти методы позволяли передавать лишь ограниченное количество заранее оговоренных сигналов. Использование почтовых голубей давало несколько большие возможности, но такой способ хорош для разовых сообщений. Кроме того, птицу требовалось доставить к месту отправления письма в клетке.

Естественным было использование гонцов, их отправляли практически все народы. Но до того, чтобы систематизировать доставку сообщений, доходили не все. Хорошо организованная почта была у древних римлян. Они построили отличные дороги, по которым пешие или конные гонцы по очереди везли сообщение, передавая его как эстафету. В Европе в Средние века была монастырская почта. Она работала исправно, но со скоростью почты времен Римской империи сравниться не могла. Существовала и так называемая купеческая почта. Ведение обширной торговли требовало обмена информацией.

Наша почта была чем-то сродни купеческой, поскольку организована была не государственными структурами, точнее, не совсем государственными. Если долину гномов еще можно принять за государство, то ваш покорный слуга занимался этим делом на добровольных началах.

Началось все с организации постов наблюдения на южном направлении. Об этом я говорил с Нимли еще до битвы за долину гномов. С той поры минул год, и Нимли вернулся к этой мысли. Бородачи начали открывать небольшие лавки или мастерские в селах, расположенных к югу от долины. Порой управлял делом гном, но чаще к этому подключали кого-то из местных жителей. Выбрав кандидата, с ним заключали соглашение: человеку выделялись деньги на открытие небольшого дела или поставлялись товары (если это была лавка). Требование к почтарю было одно – содержать небольшую конюшню, в которой наготове должны стоять три-четыре лошади. В случае появления кочевников почтарь должен был немедленно отправить гонца в долину или к следующей станции, если до долины было далеко.

Постепенно почта взяла на себя еще одну функцию. В том случае, если наш гонец путешествовал в нужном направлении, почтовые станции обеспечивали сменных коней. Гонца всегда могли накормить и предоставить ему ночлег. А поскольку путешествовали с поручениями не только гномы, но и люди (и не всегда почтари знали их в лицо), пришлось ввести опознавательный знак – чеканный жетон, по предъявлении которого почтарь должен был предоставить гонцу любую возможную помощь.

Со временем у почты появилась еще одна функция. Увидев, что у определенного человека иногда останавливаются приезжие, местные жители стали просить привезти им что-то, чего не могли купить у себя в поселке. Так появилась почтовая доставка товаров.

Если в южном направлении гонцы ездили не часто, то по империи и Абудагу движение караванов гномов было оживленным. В некоторых крупных городах Абудага и империи гномы открыли свои торговые представительства. Потребность обмениваться информацией возрастала. Постепенно мы пришли к необходимости устройства почтовых станций и на всех основных маршрутах движения. На оживленных дорогах почтовые станции обычно совмещались с небольшими постоялыми дворами или кабачками, хотя о том, что эти заве-

дения, кроме всего прочего, выполняют еще и функции почты, знали не все. Специально это не скрывали, просто не спешили афишировать.

Изначально устройство почтовых станций было затратным, но постепенно расходы окупались, потому, что путешествующие купцы особенно охотно останавливались на этих постоянных дворах. Путешествуя, они вдруг с удивлением обнаруживали, что именно здесь можно узнать последние новости, а новости для купца – это первое дело.

Чуть позже случилось событие, подвигнувшее меня к тому, чтобы еще больше увеличить сеть почтовых станций, но об этом отдельный разговор.

– Скажи, Соньер, у тебя жетон с собой? – поинтересовался я у охотника, когда мы шли по улице, направляясь к нашей почте. Село Верта находилось в стороне от крупных дорог, и почтовая станция была здесь небольшой. Располагалась она в кабачке в центре села.

– С собой, – удивился Соньер, – но зачем он?

– Не хочу доставать свой.

Мой жетон несколько отличался от стандартного. А все Нимли! Просил же его сделать мне такой же жетон, как у всех, так нет, заладил: «Мастеру по обороне положен особый знак». Ох уж эти упрямые гномы! Теперь предъявить свой жетон для меня все равно, что предъявить документы. Почтари, конечно, работают на нас, но только иногда лучше не афишировать передвижения и среди своих.

– Гхм, – ответил охотник. – Жетон у меня с собой, но почтарь наверняка вас и так в лицо знает, мастер.

– Думаешь, знает?

– Ну, если старый рыбак узнал, то почтарю и подавно положено. Мы слишком близко от волока.

– Наверное, ты прав. И все же жетон предъявим твой. И сейчас, и впоследствии.

– Как скажете, мастер.

Мы подошли к небольшому зданию и заглянули внутрь.

Посетителей было немного. Услужливый хозяин с перекинутым через руку полотенцем обратился к нам вежливо и почтительно:

– Что желаете?

Соньер бросил на меня взгляд и поспешил к стойке.

– Обед на двоих. – Охотник положил на стойку серебряную монету и рядом с ней жетон курьера.

Хозяин бросил на него быстрый взгляд и отодвинул монету от себя.

– За все заплачено. Не желаете ли пройти в отдельную комнату?

– Это было бы неплохо.

– Прошу сюда.

Мы проследовали в кабинет, находящийся в дальней части здания, хозяин появился через десять секунд.

– Обед сейчас принесут. Рад принимать вас у себя, милсдарь. – Почтарь поклонился в мою сторону. – Могли бы жетон и не предъявлять. Неужто я виконта не знаю!

Я улыбнулся: Соньер оказался прав.

– Присаживайтесь, любезный хозяин.

– Сей момент.

В дверь постучали, и кабатчик принял поднос с едой. Поставив его на стол, он сел напротив и приготовился слушать.

– Как дела, любезный? Заведение процветает?

– Мы не на центральной дороге, посетителей немного, но дела потихоньку идут, не жалуюсь.

– Это хорошо. Что нового слышно? Курьеры давно останавливались?

– Так новости милсдарь, думаю, лучше меня знает. Последний курьер был три недели назад. Много всего рассказывал. Милсдарь, а правда, что в столице на товары гномов введен дополнительный налог?

– Правда. – Я вздохнул. Организация торгового представительства в столице империи стоила нам больших трудов. В конце концов нам удалось организовать это дело через одного из купцов. Какое-то время все шло неплохо, но полгода назад купца начали теснить: попытались выжить с рынка, городские власти хотели отобрать помещение, а затем увеличили в два раза налог. Не то чтобы трудностей не было раньше, они были постоянно. Но в последнее время их количество отчего-то увеличилось.

Все эти проделки никак не тянули на действия императора. Но они были первым звонком, сигнализирующим о том, что кто-то работает против нас. Кто-то имеющий влияние, но вынужденный действовать с оглядкой. Со всех сторон ощущалось явное противодействие: то наш караван пытались задержать на границе, то препятствовали въезду в город под каким-нибудь предлогом. Все это выглядело недоразумениями. Точнее, так выглядел каждый такой случай по отдельности, а все они вместе наводили на тревожные мысли. Теперь вот дошло до открытого нападения.

– У нас в глубинке пока все спокойно, – сказал почтарь.

– Это радует. Гвардейцы в селе не появлялись?

– Нет, у нас нет. А вот около моста выше по течению стоит сотня королевских гвардейцев.

– Откуда такие сведения? – удивился я.

– Посетители рассказывали. Кум двоюродной свояченицы проезжал через мост. Заходил сегодня с утра кружечку пива выпить, вот и поведал.

Как я и предполагал, мост был перекрыт. Значит, взялись за нас достаточно серьезно.

– Хорошо. Спасибо за обед.

– Чем еще я могу помочь вам, милсдарь? Подменные кони? Припасы в дорогу? Или останетесь? Могу приготовить комнату для ночлега.

– Остаться не можем. – Я покачал головой. – Кони – это хорошо, но в нашей ситуации лучше не привлекать к себе внимания. Организуй лучше телегу с лошадью и пару комплектов одежды, что подошла бы небогатым мастеровым. Сможешь?

Кабатчик смутился, но ненадолго. Видимо, такой просьбы он не ожидал. Но ответил он почти сразу:

– Зачем искать. Телега у меня есть, лошадь тоже. Что касается одежды, – почтарь окинул нас взглядом, – через полчаса будет нужного размера. Надо что-то еще?

– Это все. Мы уедем сразу, как только все будет готово.

– Позвольте заметить, милсдарь?

– Слушаю.

– Ваши доспехи и оружие... Мастеровые не ездят с мечом на поясе.

– Я это понимаю.

Максимум, что может быть у мастерового, – это дубина или кистень. Ну и, конечно, нож на поясе, но здесь это за оружие не считается.

– Тогда мне больше нечего сказать.

– Есть у тебя сундук побольше?

– Как не быть.

– Сложим доспехи и оружие на дно, а сверху положим инструменты. Вряд ли кто станет рыться в сундуке.

Гвардейцы – это все-таки не сыщики. Не будут они останавливать каждую крестьянскую подводу. А если все же будут? Тогда наш нехитрый маскарад не поможет.

Через полчаса мы с Соньером выехали из подворья, примыкающего к кабачку. Панцири нам пришлось снять – под одеждой они были слишком заметны. Я проводил тоскливым взглядом сделанный гномами и идеально подогнанный доспех и их же работы полуторный меч, которые Соньер укладывал в сундук. Туда же отправилось и оружие охотника. Чтобы не оставаться совсем без защиты, мы надели под куртки короткие кольчуги. Защита неравноценная, мой панцирь выдерживает выстрел в упор из лучшего лука, от кольчуги при использовании бронебойных стрел такого сложно ожидать. Но от удара меча среднего качества она защитит.

При чем здесь качество? Соревнование качества брони и оружия – извечная проблема. Лучшим мечам, сделанным гномами, могут противостоять только очень немногие доспехи. Естественно, все хотели бы иметь лучшую броню и лучшее оружие, но такие броня и оружие дороги. Вот и приходится довольствоваться разумным компромиссом. Мои панцирь и меч стоят дороже того золота, что у меня в кошельке на поясе. Не знаю, стал бы я покупать такие дорогие вещи или нет, но покупать их не пришлось. Это подарок гномов. Броня и меч Соньера тоже хороши. В свободную продажу изделия такого качества гномы не пускают.

Дорога извивалась вдоль реки. Лошадка бежала шустро. До темноты оставалось не более пары часов, можно было остаться на ночлег и в Верта на нашей почтовой станции. Лучше, чем там, нам не устроиться. Но, не дождавшись нас у моста, гвардейцы наверняка начнут прочесывать берег. Не хотел я оставаться там, где затонули наши сани.

– И все-таки почему мы поехали в эту сторону? – спросил Соньер. – До Абудага не так далеко, и Найя с Лесли туда подались. Там имперские гвардейцы нам не страшны. А через ничейные земли переправились бы к гномам. Коротышки пусть и задаваки, но друзья верные.

Я покачал головой. Дорога была неблизкой, и поговорить я был не против:

– На то, чтобы ехать именно в этом направлении, есть несколько причин: Во-первых, от нас как раз и ожидают, что мы последуем в сторону Абудага или восточной границы. Именно в том направлении нас будут искать наиболее упорно. Во-вторых, доберемся мы до долины, а что дальше? Ждать? Чего? Ситуация сама собой не разрешится.

– Да, оставить волок было бы жалко, – сказал Соньер.

– Жалко. Да бог с ним, с волоком, и без него не пропадем. Закрывать его все равно не решатся, слишком многим он нужен. За волок я спокоен. Перекрывать пути следования абудагских купцов на юг? Оставить без работы несколько тысяч горячих парней из Абудага? Надо быть очень неосмотрительным человеком, чтобы на такое пойти. Кроме того, волок приносит доход. Если бы дело было только в этом, возможно, я и согласился бы переждать. Да, затраченных трудов жаль, но платить за это жизнями людей – это слишком. Все обстоит сложнее, здесь чувствуется размах. Нападение на нас – лишь фрагмент большой игры. Гномов теснят по всем направлениям. Пока неявно, но эта тенденция нарастает. Герцог исчез – вот что самое странное. После его исчезновения все это и началось.

– Думаете, все это связано, мастер?

Я пожал плечами:

– Возможно, кто-то воспользовался случаем. Приложил ли этот кто-то руку к исчезновению герцога? Не знаю, но попытаюсь узнать. Пока что это единственная ниточка, ведущая к организатору.

– А гвардейцы?

– А что гвардейцы? У них приказ. Можно было бы расспросить командира полка об источнике, из которого он исходит. Только кто ж нас к нему пустит? Вот Фагуа мог бы поинтересоваться. Виконт и герцог имеют немного разные возможности действовать на официальном уровне.

– А я, признаться, недолго любил герцога, – сказал охотник. – Он постоянно отвлекал вас, мастер, от работ в поместье.

– Ну, герцог не девица. Любить его тебе совершенно не обязательно. А вот уважать все же стоит. При всех своих недостатках Фагуа сделал много хорошего и для края, и для нас.

– Наверное, это так, раз вы говорите, мастер. В Занту так в Занту. А где мы на постой встанем? – перешел Соньер к более насущным вопросам.

– Впереди будет деревушка, она почти напротив нашего волока на этом берегу. Вот там и заночуем.

– Так близко от вашей земли?! Не будут ли нас там искать?

– Там – в последнюю очередь. Когда гвардейцы от нас отстали, мы были значительно выше по реке и продолжали двигаться к востоку. Сейчас нас ищут в полную силу севернее и восточнее этого места. Здесь тоже могут проверить, но скорее мимоходом.

– Я вот что не понимаю, мастер. Кто мог задействовать такие значительные силы против нас? То есть против вас, – поправился охотник.

– Против нас.

– Ну, я о себе не такого значительного мнения. Да, вы научили меня многому, кое-чему я научился у Кулана. С тремя-четырьмя гвардейцами я, пожалуй, справился бы. Если бы у меня был лук, мог бы потягаться с десятком, но весь полк!.. Нет, я себя не переоцениваю.

– Да я, собственно, тоже себя не переоцениваю. А под словом «нас» я подразумевал не только себя и тебя. Кроме нас двоих есть еще Найя и Лесли, Манга – пусть он сейчас и не с нами, – гномы, Кулан с его отрядом охраны правопорядка. Учитывая всех, я и говорю «нас».

– Ха! Так что нам какой-то полк? – воскликнул Соньер.

Я улыбнулся:

– Вот видишь. Полк – это не так уж и много. Дело в том, что мы не можем включиться в простое противостояние. Это самый глупый путь, и он обречен на провал. Нельзя стоять на пути паровоза, надо сделать шаг в сторону.

– А что такое этот самый «паровоз»? Полк гвардейцев?

Я рассмеялся:

– Ну, если рассматривать данный случай, можно сказать и так. Не удивляйся большому количеству задействованных в наших поисках гвардейцев. Их не нанимали именно для этого. Гвардейцы получают свое жалованье независимо от того, ловят они нас на дорогах или сидят в казармах и на зимних квартирах. Тому, кто привел в действие этот механизм, не пришлось идти на финансовые затраты. По крайней мере, не в прямой форме. Иначе на нас напали бы обыкновенные наемники. Кстати, мы уже подъезжаем, все разговоры отложим на потом. Помни, мы плотники, направляющиеся на заработки.

– Почему плотники? – поинтересовался Соньер.

– Ну не гончары же.

– Логично, – согласился охотник.

Нахватался от меня словечек. Впрочем, не он один.

Постоялого двора в селе не было, и мы попросились на постой в один из домов, договорившись заплатить за набитые соломой матрасы и немного вареных овощей на ужин три медяка. Два медяка дополнительно пошли за место в конюшне и охапку сена для нашей лошади. Расспросы отложили на утро по причине позднего часа. Покончив со скромной трапезой, мы отправились отдыхать и спокойно проспали до утра.

– Вот здесь, смотрите, сударь. Здесь следует поправить, здесь – заменить бревна.

Соньер ходил с задумчивым видом за хозяином дома, в котором мы остановились. Такую картину я застал, выйдя утром на крыльцо. Я чуть не рассмеялся, но вовремя прикусил язык, слишком уж интересно было, что будет дальше.

Охотник нахмурил брови, с глубокомысленным видом обошел вокруг конюшни, где требовалось заменить бревна, и постучал по нижним венцам сруба.

– Ну как, беретесь? – поинтересовался крестьянин.

– Не время сейчас, – наконец отозвался мой спутник.

– Как не время?! Вы же на заработки едете! У меня и бревна подходящие есть. Сам бы сделал, да силы уже не те.

Я решил подойти и помочь Соньеру отговориться от предложения крестьянина, но неожиданная мысль заставила меня изменить направление разговора.

– Работенка подвернулась? – Я довольно потер руки и подошел к конюшне, требующей ремонта. Я обошел ее вокруг и застыл с внимательным выражением лица, рассматривая конюшню, как художник рассматривает незавершенную картину, когда размышляет, чего еще ей не хватает.

Соньер от удивления приоткрыл рот. Он просто не знал, как реагировать на такое мое поведение.

– Сколько платите? – спросил я у потенциального работодателя.

– Два серебра, – удивленно ответил тот.

– Два?!

– Если мало, могу полсеребра накинуть, – отозвался крестьянин. – Да здесь работы-то на день.

– Слышишь? Целых два с половиной серебра за день работы, – обратился я к своему напарнику по плотницким работам. – Надо соглашаться. Такую цену не каждый предложит.

Соньер переводил удивленный, непонимающий взгляд с меня на крестьянина и обратно.

– Так это... а то дело, по которому мы ехали? – спросил он неуверенно.

– Подождет. Поедем завтра.

– Если так, то да. Вам, мастер, виднее.

– Так беретесь? – спросил крестьянин.

– Беремся-беремся, – заверил я его.

– Тогда не буду вам мешать. Бревна – вон они, а лезть под руку я не стану. Да и дел по хозяйству хватает.

Крестьянин направился к дому, оглядываясь на странных мастеров. Соньер молчал, но не высказанный им вопрос был явно написан на его лице.

– Соньер, скажи мне, как плотник плотнику, ты с инструментом знаком?

Охотник пожал плечами:

– Я из деревни. В основном охотой промышлял, но случалось и пилу с топором в руках держать. Правда, давно это было.

– Тогда все в порядке.

– Я не сомневаюсь, мастер. С вами мы сделаем любую работу. Только зачем нам это надо?

Уверенность Соньера приятно согревала. Искусство плотника требует твердой руки, верного глаза и длительной тренировки. И топор, и пилу держать в руках мне доводилось (здесь без этого никак, не всегда же я был виконтом), но профессионалом в плотницкой работе я себя назвать не решился бы. Впрочем, работа предстояла не слишком сложная.

– Ты спрашиваешь, зачем нам это надо? Я мог бы ответить, но предпочту, чтобы ты увидел все сам. Если я не ошибся, все так и будет. Если ошибся, что ж, потеряем лишний день.

Изначально я не планировал здесь останавливаться, но причина подвернулась сама, и я решил ею воспользоваться. Просто остановиться на постой? Нет, в данном случае это не то. Требовалась именно уважительная причина.

Соньер пожал плечами:

– Как скажете, мастер. Если надо будет, починим все дома и сараи в этом селе.

– Думаю, что до этого не дойдет. Хватит и одной конюшни. Тащи инструменты.

Для начала необходимо было вытащить старые трухлявые бревна. Задача простая, но усложнялась она тем, что бревна эти были внизу и на них лежало еще полтора десятка венцов. Для того чтобы их заменить, требовалось приподнять все строение. Чем-то это напоминает строительство американских небоскребов, когда весь дом поднимают на гигантских домкратах и пристраивают к нему еще один этаж снизу. Разумеется, домкратов у нас не было, но и конюшня тоже не небоскреб. Обойдемся простым рычагом. В свое время Архимед собирался с его помощью перевернуть Землю, у нас же задача куда более скромная.

Мы притащили бревно, подпихнули один его край под угол сруба, положив рядом с ним ту самую точку опоры (в виде чурбака), которую так и не смог найти открыватель закона плавания тел. И хорошо, что не смог. Неперевернутой Земля мне как-то больше нравится.

– Нажми на рычаг, а я попробую что-нибудь подложить под угол.

Соньер подпрыгнул и уцепился за конец бревна. Рычаг давал выигрыш в силе раз в десять, но этого оказалось мало.

– Может, я крестьянина позову? – предложил охотник.

– Не будем тревожить нанимателя. Давай лучше прикатим поближе бревна.

Мы подтащили бревно и положили его под нашим рычагом.

– И что теперь? – поинтересовался охотник.

– Теперь сделаем зарубку на бревне-рычаге, чтобы веревка не скользила.

Соньер сделал засечку, мы привязали один конец веревки к лежащему на земле бревну и перекинули его через длинный край рычага.

– Что теперь?

– Тяни за веревку.

– Я, конечно, потяну, но моего веса все равно не хватит, чтобы прижать рычаг к земле.

– А ты попробуй.

Охотник налег на веревку, и рычаг пошел вниз, приподнимая строение.

– Ничего не понимаю. Я-то не стал тяжелее! – с недоумением воскликнул охотник. – Дело что, в веревке?

– В том числе. Я тебе потом объясню.

Зафиксировав угол сруба, мы перешли к другому углу. Работа спорилась, к обеду мы вытащили два бревна и положили на их место новые, вырубив в них чашки под углы.

– И все-таки я не понимаю, зачем это нам, – ворчал Соньер.

Неужели я просчитался? Уже пора бы.

Прошло еще полчаса, и поселок наполнился шумом. Три десятка кавалеристов влетели на улицу села на полном ходу. Они рассыпались по дворам, заглядывая в каждый дом и расспрашивая о проезжих. Несколько человек заглянуло и в наш двор. На двух плотников, занимающихся ремонтом, они не обратили никакого внимания.

– Чужих здесь нет? – спросил один из гвардейцев крестьянина.

– Нет, милсдарь, – отозвался тот. – Вот плотники конюшню починяют, а больше мы никого не видели.

Гвардейцы исчезли, через полчаса ржание коней и усилившийся топот копыт возвестили о том, что они покинули село.

– Как вы узнали, мастер?! – спросил удивленный Соньер.

– А я и не знал, просто решил подстраховаться. Появление гвардейцев логично. Я, правда, ждал его несколько ранее, но, видимо, они задержались в пути. Разумеется, основные силы брошены к востоку, но и это направление не могли оставить без внимания.

– Но мы же и так замаскировались.

– Это верно, но если бы нас застигли в дороге, внимания уделили бы значительно больше.

Спокойно закончив работу, мы переночевали и на следующий день отправились дальше, не забыв получить положенную плату. Гвардейцев Лефлера мы повстречали ближе к вечеру.

– Кто такие? – крикнул один из них.

– Оставь их в покое, мы уже видели этих плотников, – одернул его другой гвардеец.

Он видел нас за работой, у него в голове отложилось, что мы плотники, этот факт зафиксирован как данность. Увидев нас в следующий раз, имперец не усомнился в том, кого он видит перед собой. Поменять уже сделанные выводы сложнее, чем сделать их первоначально.

Через пару дней мы выехали на хорошо накатанную дорогу, движение сразу стало оживленным. Разъезжаясь со встречным обозом, мы приняли вправо, лошадь, что везла нас уже три дня, оступилась и захромала. Соньер соскочил и осмотрел животное.

– Растяжение, – огласил он вердикт. – Ей нужен отдых.

– Хорошо, поменяем ее на первой почтовой станции. Для того мы их в свое время и организовывали.

До станции было уже недалеко. Мы пошли пешком. Соньер вел нашу лошадку в поводу.

Станция располагалась на постоялом дворе, поэтому прежде чем предъявлять жетон гонца, стоило немного осмотреться. Соньер заказал обед, и мы устроились в тени, наблюдая за хозяином заведения и посетителями.

– Смотрите, мастер, что за подозрительный тип, – кивнул охотник в сторону человека, время от времени бросавшего на хозяина постоялого двора нерешительные взгляды. По виду человек был похож на средней руки купца. Интересно, чем хозяин вызвал к себе такое внимание?

Игра чувств явно отражалась на лице посетителя, выражавшем то решительность, то сомнения, то досаду, похоже, купец никак не мог определиться со своими намерениями.

Наконец, приняв решение, он направился к стойке. Соньер бросил на меня вопросительный взгляд, но я сделал ему знак, означающий «ждем». Пока что никакой опасности не было.

Купец зашептал что-то вполголоса, хозяин постоялого двора отрицательно помотал головой.

– Хотя бы старую. – Купец чуть прибавил голос, и мы смогли его услышать.

– Говорю же вам, нет, – отозвался хозяин постоялого двора.

– Плачу золотой, – не унимался купец.

Интересно, чего это он так расщедрился?

– Уважаемый, я еще раз повторяю: нет ни старой, ни новой. Никакой нет!

– Я слышал, что ее можно купить именно у вас. Я никому не скажу. – Купец оглянулся.

– Вас ввели в заблуждение, уважаемый. Ничего у меня нет.

– Плачу полтора золотых за «Весть».

Хозяин постоялого двора развел руками, показывая, что ничем не может помочь даже в таком случае, разочарованный купец отошел к своему столу.

Я довольно улыбнулся, услышав, что было предметом их торга, но последние слова хозяина постоялого двора заставили меня нахмуриться.

Вот и пришла пора рассказать, что же заставило меня в свое время увеличить количество почтовых станций. Причиной была та самая «Весть». Она пользовалась необычайной популярностью как среди купечества, так и среди знати. Интересовались ею и простые

люди. Не все, по причине своей необразованности, поскольку... Вы уже догадались? «Весть» была газетой.

Мысль издавать газету пришла мне неожиданно. Как-то вечером я сидел на террасе своего дома и по обыкновению смотрел на реку. Случалось много всего, но все это было здесь и сейчас. Что происходит в стране? Как дела в Абудаге? Если я кое о чем узнавал от проезжих купцов и от гонцов, приносящих вести, то что говорить о других людях. Как вообще люди могут жить в условиях такого информационного голода?

«Не пора ли мне сделать что-нибудь для прогресса?»

А поскольку ничто так не двигает прогресс, как своевременная информация, с нее я и решил начать. Первая мысль была о книгопечатании, но потом я отверг эту идею. Нужно сделать нечто другое. Пусть информации будет меньше, но получают ее многие. Итак – газета.

Первый шрифт гномы вырезали из дерева. Мы с Растой даже испытали его, отпечатав два десятка листов. Процесс этот выглядел примерно так. На деревянный вал, обтянутый войлоком, наносилась краска. Затем валик прокатывался по набранному шрифту, лист бумаги клался на покрашенный шрифт, сверху накладывалась ровная деревянная доска, по которой пару раз прокатывали тяжелый вал. Размер листа был невелик – сантиметров тридцать на сорок.

На изготовление одной печатной страницы уходила примерно минута. Невиданная скорость! В моем родном мире – невиданно медленная. В этом мире – невиданно высокая. Раста скакал с первым отпечатанным листом как с медовым пряником.

– Так быстро не напишет ни один писарь! – Гном рассматривал текст, подмечая мельчайшие неровности. – И так ровно не напишет!

Увы, после того, как мы сделали два десятка копий, качество печати стало падать. Мелкий деревянный шрифт не выдерживал нагрузки, буквы начинали крошиться.

– Я сделаю новые буквы! Все-таки мы напишем наше послание для всех! – торжественно провозгласил Раста.

Я покачал головой.

– Сломаются. Впрочем, делай. Отформируем и отольем из бронзы.

Бронзовый шрифт был несколько дороговат, но свинца под рукой не было, а ждать, пока его доставят, не хотелось. Из бронзы шрифт получился замечательный и верно служил нам до последнего времени. Служил бы и далее, если бы не завертели все эти события, которые отвлекли нас от нашего издания.

Первую газету мы отпечатали тиражом в сто экземпляров, решив посмотреть, как ее воспримут окружающие. О чем писали? О, это были самые разнообразные новости. Выглядело это примерно так.

Светские новости.

Гвардейский лейтенант Берил ранил на дуэли баронета Сэти. История наделала много шума. Говорят, размолвка произошла из-за дамы.

Баронесса Фентикль овдовела во второй раз и находится в поиске нового спутника жизни.

В Занту закончен ремонт моста. Герцог Фагуа одобрил проведенные работы. Руководитель работ награжден именным подарком его светлости.

Новости с полей.

Урожай зерна в Абудаге выше обычного. По оценкам специалистов, следует ждать падения цен на зерно.

Объявления.

Абудагский купец Рилок набирает наемников для сопровождения каравана на юг.

И так далее. Не буду приводить полный текст. Первая газета излагала новости кратко. Позже мы стали добавлять заметки большего объема.

Мы разослали первый тираж по всем нашим торговым представительствам. Поначалу дело шло неспешно: люди не понимали, зачем нужна газета. Никто не хотел платить за нее один серебрак – именно такую цену я тогда назначил. Но постепенно люди распробовали, что такое «Весть». Модницы желали узнать, что носят в столице. Народ попроще с удовольствием читал объявления о праздниках и вакансиях. Купцы искали сведения о ценах. Знать? Знать читала газету, потому что это было интересно. Через два месяца мы печатали уже пятьсот экземпляров издания, и они расходились влет по пять серебраков за экземпляр. Газета печаталась раз в месяц, а вот с доставкой были проблемы. Тогда-то я и решил увеличить количество почтовых станций. Газета, задуманная в свое время как благотворительный проект, неожиданно стала приносить доход. Сколько раз замечал: если делаешь дело от души и не ставишь целью непременно извлечение дохода, дело идет и окупается, и приносит пусть небольшие, но деньги, когда работаешь с полной отдачей. Если же изначально ставишь целью лишь получение прибыли, шутница-судьба так и норовит вставить палки в колеса. В случае с газетой я был рад, что ее печать и доставка окупаются. Получаемую с нее прибыль я пускал на ее же развитие, например, решил нанять на постоянной основе платных корреспондентов. Теперь не знаю, когда удастся реализовать эти планы и удастся ли вообще.

Разговор купца и почтаря заставил меня и порадоваться (люди ждут газету), и задуматься. Проскользнуло в нем что-то тревожное. То, что газеты нет сейчас, объяснимо, но почтарь попытался откреститься от нее вообще. А вот это уже настораживало.

Подождав, когда хозяин останется один, я отправил Соньера предъявить ему почтовый жетон. Мужчина побледнел, нервно дернулся и оглянулся назад, хотя за ним была стена.

Что это с ним? Быть может, он слишком впечатлительный человек, но чем-то ведь его тревога вызвана?

– Следуйте за мной, – все-таки предложил почтарь.

Мы прошли в служебное помещение, и он перешел сразу к делу:

– Что угодно, судари?

Соньер взглянул на меня. Поскольку я молчал, он продолжил разговор:

– Наша лошадь захромала, требуется подменная.

– Лошадь? Конечно-конечно. Все будет в лучшем виде. Что-то еще?

– Припасы в дорогу.

– Сейчас соберут. Вы уже уезжаете? – В последнем вопросе прозвучало слишком много надежды для гостеприимного хозяина.

– Как ваши дела, уважаемый? – решил поинтересоваться я.

– Дела? – Почтарь опять оглянулся, будто дела могли стоять у него за спиной. – Какие у нас дела? Я маленький человек. Дела – это у вас, судари.

– Да и мы люди небольшие. Едем вот по казенной надобности. А все ли спокойно в ваших краях?

– Пока спокойно, слава Создателю. Но слухи тревожные так и ползут.

– Вас тревожат слухи?

– Я маленький человек. – Почтарь развел руками.

Вот уж точно – человек он маленький. И дело здесь вовсе не в должности. Такому хоть пост градоначальника предложи, он все равно останется маленьким человеком. В ином крестьянине или мастеровом чувствуется столько достоинства, что назвать его маленьким человеком язык никак не повернется. Нет, не должность определяет размер человеческой личности, не костюм и не регалии. Иначе пришлось бы признать, что одежда – это и есть

человек, а не то, что под ней находится. Наша сущность – в нашем духе, а вовсе не в том, какая нам досталась оболочка. Должен признать, кандидатура на должность почтаря подобрана небрежно и торопливо. Слишком маленьким он оказался человеком.

– До свидания, уважаемый.

Почтарь вздохнул с облегчением. Он был рад нашему отъезду.

Через пятнадцать минут мы уже выезжали из ворот постоянного двора.

– Соньер, не забудь напомнить мне, что почтаря здесь надо будет поменять.

– А этого куда? – поинтересовался охотник. – Время непростое, а он знает слишком много.

– Отправь послание купцу Лотусу в наше торговое представительство в Абудаге. Пусть подыщет дом, продаваемый наследниками, выкупит его, а затем составит письмо, из которого следует, что дальние родственники почтаря оставили ему наследство.

– А поедет?

– Поедет. Постоялый двор он содержит на заемные деньги, а здесь ему предложат собственность. Пусть небольшую, но личную.

– Сделаю, мастер. В Занту есть наши почтовые курьеры, оттуда и отправлю письмо. Только стоит ли тратить деньги на то, чтобы спровадить этого мелкого человечешку?

– Стоит. Велик он или мал, не нам его судить.

– Все сделаю, мастер, – согласился Соньер.

Через несколько дней на горизонте появился Занту, город, где располагалась резиденция Фагуа и где я надеялся отыскать следы, указывающие на причину исчезновения герцога.

Глава 4

Занту. В этом городе мне приходилось бывать не раз. Приезжал я сюда и посуху, и водным путем. Последнее время чаще по реке, построенные нами струги имели отличный ход, путь от поместья до главного города герцогства занимал три дня. Посуху ехать получалось чуть дольше.

– Где остановимся, мастер Вик? – поинтересовался Соньер.

В Занту у нас было торговое представительство, крупное почтовое отделение и множество знакомых, с которыми мы вели разного рода дела. Через торговое представительство реализовывались изделия гномов и те товары, что приходили с юга. Последним герцог Фагуа был недоволен, пока находился в городе. Собственно, он был недоволен и первым – штампованные изделия гномов создавали серьезную конкуренцию товарам, производимым местными ремесленниками. Убедить герцога дать разрешение на открытие торгового представительства удалось не сразу. Пришлось пойти на льготные (почти даром) поставки доспехов и вооружения для герцогской гвардии, лишь тогда Фагуа счел, что с продажей кованых изделий гномов можно мириться.

Мастеровые тоже были недовольны. Чтобы не поднимать градус раздражения выше обычного недовольного ворчания, мы оставили им определенную нишу – некоторые виды металлоизделий не поставлялись гномами в Занту. Кроме того, оставались индивидуальные заказы, а это совсем не мало. Разумеется, заказы можно было разместить и в торговом представительстве, но ждать приходилось долго – пока заявка дойдет до долины, пока изготовленный товар доставят сюда, пройдет не один месяц, поэтому индивидуальных заказчиков, тех, кто хотел иметь что-то особенное, у гномов было немного.

Иной раз приходилось и отказывать, например, когда просили изготовить камнемет. Слухи о метательных машинах гномов очень быстро распространились по империи. Но если сторонним заказчикам не надо было объяснять причины, по которым камнемет не может быть им продан, то с герцогом дело обстояло сложнее. Я отговаривался как мог. В конечном итоге мне удалось убедить его светлость, что это будет непатриотично – разумнее заказать изготовление метательных машин местным мастерам. Да и бесконечно давить на гномов не получится.

– Ваша светлость, вы же знаете этих упрямцев, они лучше запрутся у себя в горах, чем согласятся продать онагры. Конечно, можно изгнать их из империи, но это ничего не даст, только лишит нас поставок отличной брони и отменных мечей, – примерно так звучали мои аргументы.

Герцог в конце концов вынужден был признать их весомость. В качестве компенсации пришлось отдать Фагуа чертежи метательных машин, изготавливаемых гномами. Потеря была невелика – эти орудия и так были известны в империи, а разница в конструкции не такая уж значимая вещь, чтобы ломать из-за нее копья.

Чертежи были перерисованы гномами с готовой метательной машины, и получение их было не таким трудным делом, как я представил герцогу. Конечно, Нимли немного поворчал, утверждая, что люди не могут сами нарисовать приличный чертеж, но на этом все и закончилось. Поскольку изначально конструкция была предложена мной, а позже лишь улучшена гномами, они считали, что я вправе распоряжаться чертежами, как мне вздумается. Более того, нежелание гномов поставлять камнеметы в империю было мной весьма преувеличено. Разумеется, мастера долины таким желанием вовсе не горели, но я мог бы их переубедить, если бы считал это разумным. Но разумным это я как раз и не считал. Что касается местных мастеровых, то их несколько примиряли с гномами поставки железа отменного качества по сходной цене.

С товарами, доставляемыми с юга, дела обстояли несколько иначе. Горожане рады были новому поставщику. Герцог, напротив, не спешил соглашаться с такими продажами через наше представительство в Занту. Причина, думаю, всем понятна – его корабли также ходили на юг и также доставляли товары из вольных городов в империю. Лишний конкурент Фагуа был не нужен. Но и здесь мы нашли компромисс. Его всегда можно найти, если учитывать интересы других. Представительство платило герцогу повышенный налог – до трети дохода, получаемого с привозимого с юга товара, и даже при таких условиях его работа была нам выгодна.

В отличие от представительства почта никому не мешала. Первоначально я хотел совместить эти два учреждения в одном, но решил этого не делать. Почта была здесь именно почтой, имела соответствующую вывеску и занималась своим непосредственным делом. В отличие от почтовых отделений на трактах, функцией которых было обеспечение продвижения курьеров, ее функции были гораздо шире.

Наша газета здесь продавалась вполне официально. Кроме того, здесь принимались письма, которые затем отправлялись с одним из караванов к месту назначения. Было и негласное отделение курьерской службы, замаскированное под почту общедоступную.

Вопрос «Где остановиться?» был совсем не праздным.

– Знаешь что, дружище, давай обоснуемся на независимой территории. Пора нам приводить свой внешний вид в соответствие с внутренним содержанием.

Соньер многозначительно хмыкнул:

– Вы, конечно, многому меня научили, мастер, но порой ваши высказывания ставят меня в тупик.

– Поясняю. Ты успел привыкнуть к роли плотника?

– Не совсем. Старая роль была мне ближе, – признался охотник.

– Так не пора ли к ней вернуться?

– Вот это дело! – согласился мой сопровождающий.

– Снимем комнату в недорогой гостинице и оставим там наши маскарадные костюмы.

В городе полно гвардейцев Фагуа, гвардейцы Лефлера не могут действовать здесь так же свободно, как и за пределами Занту. Мы сняли комнату, заплатив за неделю вперед, занесли в нее наш походный сундук. Удивился ли кто, увидев, что из гостиницы выходят виконт и мечник, которые раньше туда не входили? Если и удивился, то что с того? Пусть эта загадка останется для него неразгаданной.

Соньер был доволен снова ощутить себя воином.

– Ну вот, совсем другое дело, – поправил я дворянский знак на груди. На плечи привычно давил панцирь, а на боку висел длинный узкий меч. Здесь таких не делают, разве что у Соньера такой же. Вот уже более трех лет как охотники служат под моей командой, и я стал подмечать, что они копируют многие из моих привычек. Ладно бы только Лесли, для паренька это естественно, но и Соньер с Мангой туда же. Впрочем, меч и в самом деле удобен. Он длиннее распространенного здесь короткого меча, но короче двуручника. И значительно легче, что дает немало преимуществ, позволяя использовать часть приемов, применяемых в фехтовании на саблях, в том числе наносить быстрые колющие удары. В результате тактика меняется, увеличивается число возможных вариаций боя, что дает бойцу дополнительные возможности. Облегченный полуторник хорош, но есть одно «но». Чтобы уверенно противостоять бойцу с двуручником, сталь его должна быть отличного качества. Такой, как из лучших рудников гномов.

– Куда идем? В замок герцога? – поинтересовался охотник.

– И туда тоже, но сначала узнаем новости. Зайдем на почту и в торговое представительство.

– Куда сначала? – осведомился охотник.

– Сначала? А что ближе? Представительство? Вот туда и пойдем.

Торговое представительство громов находилось недалеко от базарной площади. Оно занимало отдельное здание с примыкающей к ней хозяйственной территорией, занятой складами. Центральный вход в здание украшала вывеска «Виконт V и компания». Ну да, формально представительство было моим. Ни для кого не было секретом участие в его создании гномов, но Фагуа просил явно это не афишировать. Слово «компания» звучит более нейтрально.

– Не будем дразнить гусей, любезный виконт. Одно дело, когда об этом просто знают, и совсем другое, когда это написано на вывеске, – говорил герцог.

Раста долго ворчал, когда узнал об этом, но даже в таком виде это было большой победой. Наше представительство в столице империи было куда более скромным.

Раз уж речь зашла о «Виконте V и компании», неплохо будет упомянуть о некоторых интересных фактах, которые буквально притягивали к зданию массу любопытных. Можно сказать, оно было своеобразной достопримечательностью, которую каждый считал своим долгом осмотреть. И все бы ничего, но порой это создавало проблемы: из-за праздношатающихся зевак те, кто пришел по делу, вынуждены были буквально протискиваться к зданию.

Вездесущие мальчишки постоянно кружили у входа, пытаясь заглянуть внутрь и рассмотреть чудное устройство, которое пропускало посетителей само или не пропускало, если на то не было воли грозного привратника. Это чудо было обыкновенным турникетом, гномы соорудили его за день, а за стойкой сидел представительного вида консьерж, который нажимал на педаль, освобождая стопор, спрятанный под полом. Фокус прост, даже удивительно, что многими это воспринималось как чудо. Тем не менее вскоре после открытия представительства даже сам герцог пришел подивиться на это устройство. Разумеется, его светлости были рады – не каждый день герцоги заходят в гости. Но ежедневный наплыв любопытствующих не мог не тревожить.

Огромного роста верзила отгонял зевак от входа. Купец Апунт, руководивший представительством, жаловался, что этот детина привлекает к заведению еще больше внимания, но я на это только улыбался и категорически запрещал увольнять нашего великана. Реклама лишней не бывает. Когда Апунт достал меня жалобами на зевак, я предложил ему водить по представительству во внеурочное время экскурсии. Платные. Почему платные? Пусть это будет всего один медяк, но он позволит отсеять тех, кому все равно, куда пойти и на что глазеть. Пойдут лишь те, кому действительно интересно. Купец воспринял мою подсказку как шутку. А зря. Впрочем, настаивать я не стал – надоест гонять любопытных, сам до этого дойдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.